

Мартин Грабман

История схоластического метода

Второй том, 2-я часть: По печатным
и непечатным источникам

Мартин Грабман

**История схоластического
метода. Второй том, 2-
я часть: По печатным
и непечатным источникам**

«Издательские решения»

Грабман М.

История схоластического метода. Второй том, 2-я часть:
По печатным и непечатным источникам / М. Грабман —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-622819-1

Во второй части второго тома представлены выдающиеся богословы, до сих пор почти не известные по именам. Роберт из Мелена и парижские сумисты, группировавшиеся вокруг Петра из Пуатье.

ISBN 978-5-00-622819-1

© Грабман М.
© Издательские решения

Содержание

II СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ. РАЗВИТИЕ СХОЛАСТИЧЕСКОГО МЕТОДА В XII И НАЧАЛЕ XIII ВЕКА	6
Глава четвертая. Роберт Мелунский	6
§1 Личность Роберта. Его комментарии к Паулинам	6
§2 «Сентенции Роберта Мелунского»	8
ПЯТАЯ ГЛАВА. ПЕТР ЛОМБАРД	26
§1. ОЦЕНКА ПЕТРА ЛОМБАРДА И ЕГО «LIBRI QUATTUOR SENTENTIARUM»	26
§2 СИСТЕМАТИЗАЦИЯ «СЕНТЕНЦИЙ» ПЕТРА ЛОМБАРДА	28
§3 СХОЛАСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗЛОЖЕНИЯ ПЕТРУСА ЛОМБАРДА ВЛИЯНИЕ ГУГО СЕН-ВИКТОРСКОГО И ПЕТРА АБЕЛЯРА	32
§4 ИСТОЧНИКИ ПЕТРА ЛОМБАРДА	40
§5 ПЕРЕСМОТР И СОКРАЩЕНИЕ «LIBRI QUATTUOR SENTENTIARUM». СЕНТЕНЦИИ МАГИСТРА ГАНДУЛЬФА	42
§6 ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ТЕХНИКА КОММЕНТАРИЕВ К СЕНТЕНЦИЯМ ПЕТРА ЛОМБАРДСКОГО	44
§7 ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ТЕЧЕНИЯ ПРОТИВ «MAGISTER SENTENTIARUM» И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ	48
§8 ПОЧЕМУ «СЕНТЕНЦИИ» ПЕТРА ЛОМБАРДА ПРИОБРЕЛИ ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СХОЛАСТИКЕ?	51
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ШАРТРСКАЯ ШКОЛА. ЖИЛЬБЕР ДЕ ЛА ПОРРИ, ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ И АЛАНУС ДЕ ИНСУЛИС	54
§1 ЖИЛЬБЕР ДЕ ЛА ПОРРИ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

История схоластического метода Второй том, 2-я часть: По печатным и непечатным источникам

Мартин Грабман

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Мартин Грабман, 2024

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0062-2819-1 (2-2)

ISBN 978-5-0062-2820-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

II СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ. РАЗВИТИЕ СХОЛАСТИЧЕСКОГО МЕТОДА В XII И НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

Глава четвертая. Роберт Мелунский

§1 Личность Роберта. Его комментарии к Паулинам

«*Quaestiones de divina pagina*». Имя Роберта из Мелуна¹ пользовалось хорошей репутацией в схоластике XII века. Годы учебы и ученичества привели его к личному контакту с самыми выдающимися богословами того времени.

Около 1130 года он приехал из родной Англии в Париж, где обучался у Гуго Сен-Викторского и, возможно, у Абеляра. Когда он сам занял преподавательскую кафедру в Париже, он смог причислить к своим жаждущим ученикам таких людей, как Иоанн Солсберийский, Иоанн Корнуольский и Томас Бекет.

Позже он перенес свою школу в Мелун, откуда и получил свое прозвище. В 1163 году он получил епископство Херефорда в Англии, где и умер 28 февраля 1167 года.

Роберт из Мелуна высоко ценился как ученый-преподаватель. Об этом свидетельствуют восторженные отзывы его учеников Иоанна Солсберийского и Иоанна Корнуэльского (*Cornubiensis*). Иоанн Солсберийский оставил нам сравнительную характеристику двух своих преподавателей диалектики в парижском Геновеве, а именно проницательного противника номиналистов Альбериха и нашего Роберта Мелунского.

Если Альберих умел везде выискивать трудные моменты, то сильной стороной Роберта были его быстрота и твердость ответа. Он никогда не уклонялся от ответа на поставленную задачу. Он либо принимал четкое и определенное решение «да» или «нет», либо, в случае двусмысленных вопросов, приходил к выводу, что на основе различных вариантов ответа на вопрос нельзя ответить однозначно «да» или «нет». Если Альберих был тонок и неисчерпаем в своих сомнениях и вопросах, то Роберт был ясен, краток и быстр в решении проблем. Если бы достоинства обоих соединились в одном человеке, он, несомненно, стал бы самым превосходным диалектиком своего времени. Оба они обладали острым умом и неутомимым рвением к учебе.

Оба могли бы сделать себе большое и блестящее имя в светских науках, если бы придали своим проницательным рассуждениям более широкую основу путем тщательного изучения более ранней философской литературы. Иоанн Солсберийский² сообщает, что Роберт Мелунский впоследствии посвятил себя теологии, а также сделал себе имя в философии.

¹ Об этом см. статью Морротта в *Wetzer und Weites Kirchenlexikon* X2 1222—1224 и более древнюю литературу, цитируемую и используемую там; Hurter, *Nomenclator* II 165; Denifle, *Die abendländischen Schriftausleger bis Luther über Iustitia Dei* (Rom 1, 17) и *Iustificatio* 75—83.

² «*Sie ferme toto biennio conversatus in Monte, artis huius praeceptoribus usus sum Alberico et magistro Roberto Melodunensi... quorum alter ad omnia scrupulosus, locum quaestionis inveniebat ubique..... Alter autem, in responsione promptissimus, subterfugii causa propositum numquam declinavit articulum, quin alteram contradictionis partem eligeret, aut determinata multiplicitate sermonis, doceret unam non esse responsionem. Ille ergo in quaestionibus subtilis et multus; iste in responsionibus perspicax, brevis et commodus. Quae duo, pariter eis, si alicui omnium contigissent, parem utique disputatorem non esset invenire. Ambo enim acuti erant ingenii et studii pervicacis; et, ut reor, magni praeclarique viri in studiis physicis enituisse, si de magno litterarum niterentur fundamento, si tantum institissent vestigiis maiorum, quantum suis applaudebant inventis..... Porro alter in divinis proficiens litteris, etiam eminentioris philosophiae et celebrioris nominis assecutus est gloriam*» (Metal. 1. 2, c. 10 [M., P. L. CXCIX 867 и 868]).

Иоанн Корнуольский³ очень высоко отзывается о богословском учении Роберта Мелунского и прославляет его как почтенного профессора, из богословского учения которого абсолютно исключено даже малейшее подобие ереси.

Даже больше, чем как стимулирующий преподаватель философии и теологии, Роберт Меленский считается богословским писателем, способствовавшим развитию схоластики и схоластического метода. Дю Буле⁴ рассудил правильно, когда напечатал пространные выдержки из «Суммы» Роберта во втором томе своей «Истории Парижского университета», обосновав это тем, что «ut theologiae verae scholasticae quaestionumque theologicarum, quae in scholis agitari hoc saeculo consueverant, ideam ad posteros transmitteret». Эта точка зрения, согласно которой главный труд Роберта представлял собой тип схоластического богословия и метода того времени, значительно усилится, если мы рассмотрим неизвестную Дю Буле⁵ рукопись этой «Суммы» в Брюгге с ее подробным методологическим введением. Значение Роберта для развития схоластического метода откроется нам, если мы рассмотрим сначала его экзегетические работы, затем его богословские вопросы и, наконец, его Сентенции или Сумму.

Денифле⁶ ссылается на «Quaestiones de epistolis Pauli a magistro Roberto de Miliduno enodate», которые мы находим в Cod. lat. 1977 Парижской национальной библиотеки и в Cod. Bodl. Laud. lat. 105 в Оксфорде. Этот комментарий к Паулинам, написанный позже, чем комментарий Петра Ломбарда, носит афористический характер. Лишь отдельные отрывки подчеркнуты и освещены в форме вопросов и ответов. Благодаря этой внешней технике обработки библейского материала, как подчеркивает Денифле⁷, Роберт, несомненно, внес вклад в развитие более поздних Disputationes и Quodlibeta, столь популярных особенно со времен Симона Турнейского. Взгляды Роберта на отношения между светской наукой и Священным Писанием и теологией, изложенные в начале этого библейского труда, также характерны для его научного подхода. Все писания, священные и профанные, должны служить для наставления человека. В писаниях язычников, в профанной литературе, мы получаем знания о языковой форме и свойствах вещей. Лингвистическое представление – предмет тривиума, а математические предметы обсуждают внешние и внутренние особенности существ. Внешняя природа вещей обсуждается в квадравиальных предметах, где рассматриваются сенсорные фигуры. Внутренняя природа существ исследуется в физике. Обучение в этих профанных отраслях знания является необходимым предварительным этапом и предпосылкой для изучения и более глубокого понимания Священного Писания. Священное Писание, повествующее о воплощении Логоса, называется святым отчасти из-за своей неизменной истины, а отчасти из-за содержащихся в нем тайн Христа. Библейские писания делятся на две основные части, Ветхий и Новый Заветы, и имеют своим центром и главной точкой воплощение Христа со всеми фактами и средствами спасения, которые предшествуют и следуют за ним⁸.

³ «Duos etiam venerabiles magistros, quos in theologia nihil haereticum docuisse certissimum est, Robertum scilicet Meljdensem et Mauricium hodie Parisiensem episcopum silentio praeterire non debeo» (Eulogium [ibid. 1055]).

⁴ Historia Universitatis Parisiensis II 558—628 772.

⁵ Сезар-Эрасс дю Буле (умер в 1678 г.), известный как Булеус, был французским историком.

⁶ Die abendländischen Schriftausleger etc. 75 ff.

⁷ Западные толкователи Писания и т. д. 75.

⁸ «Ad eruditionem autem ipsius omnes scripture facte sunt, quarum partes sunt tarn sacre scripture, tarn ethnice. In ethnicis enim, id est gentilibus, et sermonum compositio et rerum proprietas docet. Sermonum compositio in trivio, rerum proprietas in mathematicis disciplinis secundum extrinseca et intrinseca; secundum extrinseca, ut in quadrvio, ubi doctrina fit secundum figuras exteriores; secundum intrinseca, ut in physica, ubi nature et creature rerum secundum intrinseca demonstrantur. His enim prius sutnus instruendi, ut sie ad intelligentiam Scripture divine perveniamus. Sacre vero scripture dieuntur, in quibus de Incarnatione verbi agitur, propter incommutabilem sui veritatem sie dicte, vel propter sacramenta Christi, que in ipsa continentur. Que in duas dividuntur partes, in vetus scilicet et novum testamentum, que quidem generalem habent materiam, Incarnationem Christi cum omnibus sacramentis suis precedentibus et subsequenter» (ebd/76).

Здесь Роберт Мелунский следует линии мысли, хорошо известной нам по главному труду Гуго Сен-Виктора «*De sacramentis christianae fidei*».⁹

Cod. lat. 1997 Национальной библиотеки, содержащий комментарии Роберта Мелунского к Паулинам, также предлагает нам (с листа 85 по 98) «*Quaestiones de divina pagina a magistro Roberto de Miliduno propositae*». Это 72 вопроса, каждый из которых начинается с *queritur*, которые по разнообразию и систематичности содержания являются предшественниками более поздних *Quaestiones quodlibetales*. Большинство этих вопросов посвящено моральным проблемам, например, клятве, благотворительности, покаянию, супружеским и литургическим делам¹⁰. В меньшем числе квесторий обсуждаются и решаются проблемы учения о Троице, творении и христологии¹¹. Техника этих *Quaestiones* очень проста: она состоит из постановки проблемы, представленной *queritur*, и краткого и определенного *solutio*. За вопросом неоднократно следует силлогистическое затруднение, *argumentum*. В этих случаях *solutio* основывается на различении этого возражения. Например, ставится вопрос о том, является ли все, что находится в Боге, Богом. За этим сразу же следует аргумент: если воля к чему-то находится в Боге, то эта воля и есть сам Бог. Но сейчас такой воли быть не может. Следовательно, то, что является Богом, не может быть.

Теперь эта трудность разрешается в *Solutio* путем ссылки на двусмысленный смысл термина *voluntas* и соответствующего различения.¹² Здесь мы можем увидеть предварительный этап позднейшей «Кводлибеты» не только в отношении красочного разнообразия материала, но и в отношении диалектического обсуждения отдельных моментов. Появление в западной литературе аристотелевских «Аналектов» и особенно «Топика» и «Эленчика» способствовало развитию техники диспутов и, прежде всего, схоластической трактовки «Квестио», а затем постепенно повлияло на богословские школы.

Эти богословские *Quaestiones* Роберта Мелунского возникли из богословского обучения так же, как и *Quaestiones quodlibetales* высокой схоластики. Роберт Мелунский действительно проникся важностью метода *Quaestio* для школы и говорит в этом смысле в начале своего комментария на Послание к Римлянам: «*Quaestiones aliquando fiunt causa dubitationis, aliquando causa docendi*».¹³

§2 «Сентенции Роберта Мелунского»

а) Рукописная традиция.

Главное произведение Роберта Мелунского, его богословские Сентенции, являются источником для реализации развития схоластического метода в XII веке в несравненно боль-

⁹ Ср. выше p. 256 и далее.

¹⁰ *Queritur, quid sit iuramentum* (fol. 85); *Queritur, utrum omne opus ex intentione pendeat* (fol. 85); *Queritur, utrum possit quis penitendo satisfacere de uno peccato ita quod non de aliis* (fol. 85); *Queritur, utrum malus possit quandoque benefacere* (fol. 85); *Queritur de clavibus Petro translatis et eius successoribus que et quot sint* (fol. 89); *Queritur, utrum omnis iudex, qui secundum decreta sanctorum iudicat, iuste iudicet* (fol. 91v); *Queritur, utrum quis adultus non baptizatus et involutus multis criminibus possit mundari per susceptionem lavacri ab originali peccato qui ficto corde et non contrito accesserit et non penitens de superadditis peccatis* (fol. 93); *Queritur, utrum maius sit diligere inimicos quam amicos etc.*

¹¹ *Queritur, utrum quicquid in deo est deus sit* (fol. 88v); *Queritur, utrum homo creatus esset, nisi cecidisset angelus* (fol. 89r); *Queritur cum eadem sit substantia patris et filii et Spiritus sancti, utrum substantia patris incarnata sit* (fol. 89p); *Queritur, utrum deus possit modo facere quicquid potest facere* (fol. 89 v); *Queritur, utrum sit idem deo scire quam esse* (fol. 90r); *Queritur, utrum deus possit omnia hodie, que eri potuit* (fol. 92r) и т. п.

¹² *Queritur, utrum quicquid in deo est deus sit. Quod si est, cum voluntas aliquid faciendi in deo sit, ipsa deus est. Sed illa potest non esse. Ergo aliquid quod deus est potest non esse. Solutio. Hoc nomen voluntas equivoce accipitur. Cum dicitur: voluntas dei est hoc faciendi non est aliud nisi deus volens et cum dicitur: hoc potest non esse non est aliud nisi hoc: non erit subiectum sue divine voluntatis. Propter res enim subiectas sue voluntati verum est, non propter deum volentem* (fol. 88).

¹³ Denifle, *Die abendländischen Schriftausleger etc.* 76.

шей степени, чем его комментарии к Паулинам и *Quaestiones de divina pagina*. Эти «Сентенции» предстают перед нами как огромный, масштабный богословский труд, напоминающий всеобъемлющие богословские суммы высокой схоластики. Мы сможем лучше всего использовать и оценить это впечатляющее богословское достижение в наших целях, если рассмотрим систематику всего произведения, взгляды Роберта на отношения между верой и знанием, внешнюю технику, которой он следовал, и, в особенности, если подвергнем более детальному анализу методологические принципы, представленные в Прологе. Ни один другой схоластик XII века не анализировал эти принципы с такой подробностью и независимостью, с такой критической строгостью.

Он был более внимателен к светлым и темным сторонам богословского учения и методов работы своего времени, чем наш Роберт Мелунский.

Но сначала желательно установить рукописную передачу этих богословских афоризмов. Мы располагаем следующими рукописями «Сентенций» Роберта Мелунского:

а) Cod. lat. 14 522 из Национальной библиотеки в Париже, пергаментная рукопись кватерно XIII века, очень красиво написанная. На переднем форзаце надпись: «Iste über est beati Victoris Paris.», а затем более поздней рукой: «Summa magistri roberti meledunensis de theologia.» Рукопись состоит из 155 листов и обрывается на учении о Воплощении.

б) Cod. lat. 14 885 из той же библиотеки (также из Сен-Викторского монастыря; см. XIII).

с) Cod. 297 из библиотеки Инсбрукского университета (см. XIII). Эта рукопись, содержащая часть «Суммы» Роберта Мелунского на 168 пергаментных листах, происходит из цистерцианского аббатства Стамс и не имеет заголовка. Первым на него сослался Денифле¹⁴.

д) Cod. 191 из городской библиотеки Брюгге (см. XIII). В этой рукописи, также содержащей инициалы, представлена «Сумма» Роберта Мелунского на 304 листах¹⁵. Эта рукопись* идентична «Volumen magnum inscriptum: Sententie M. Roberti de Meleduno» из «Index librorum Mss. Bibliothecae Monasterii Dunensis ordinis Cisterciensis in Flandria»¹⁶. Брюггская рукопись содержит подробное, методологически очень значимое введение (fol. 1–8) «De modo colligendi summas et docendi», на которое впервые обратил внимание Денифле¹⁷.

е) Cod. Reg. 7 Gr II в Королевской библиотеке Британского музея в Лондоне. Очень большая рукопись in folio XIII века, которая содержит «pars XII primi libri Sententiarum Roberti Melundinensis Episcopi herford.» и обрывается на листе 57. Более поздней рукой написано: «Deficiunt de ista summa partes seu libri tres de fine et XI partes sive libri de principio.»

ф) Cod. Reg. 7 F XIII ibid. Здесь перед нами сборник «Сумма0 Роберта Мелунского». Fol. 59r: «Incipiunt capitula. De quinque studiis cognoscende veritatis. De scripture sacre excellentia»¹⁸.

г) Cod. 109 Итонского колледжа (близ Виндзора; см. XIII). Фол. 105—186: «Robertus Miledunensis, Episcopus Herfordensis, Anglus de Sacramentis veteris et novi testamenti, de incarnatione Christi et aliis».

Рукописи а, с и d были использованы для нашего последующего анализа. Взаимосвязь между текстами этих кодексов выглядит следующим образом: Брюггский манускрипт предлагает наиболее полный и подробный текст. Инсбрукская рукопись, которая начинается ex abrupto с обзора глав, предлагает нам фрагмент текста Брюггской рукописи (парсы 9—11 первой книги и начало второй книги)¹⁹. Текст инсбрукского фрагмента слово в слово совпадает с соответствующими частями Брюггской рукописи, как и заголовки глав, предшествующие

¹⁴ Ebd. 75.

¹⁵ Cp. P. J. Lau de, Catalogue methodique, descriptif et analytique des manuscrits de la bibliotheque publique de Bruges, Bruges 1859, 179.

¹⁶ Bibliotheca Belgica manuscripta, Insulis 1641, 169.

¹⁷ Archiv für Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters I (1885) 618 A. 3; III (1887) 638 ff.

¹⁸ П. Августин Даниельс О. С. Б. в Мария-Лаахе обратил мое внимание на эти две рукописи в Британском музее.

¹⁹ Текст Инсбрукской рукописи, начиная с листа I, совпадает с текстом Брюггской рукописи, начиная с листа 101 и далее.

каждой части. Более точное сравнение Брюггской рукописи с Cod. lat. 14 522 из Национальной библиотеки приводит к совершенно иным результатам.

В последней рукописи отсутствует, прежде всего, подробный пролог.

Хотя оба кодекса охватывают один и тот же богословский материал и обрываются на учении о Воплощении, они отличаются друг от друга по всему тексту. Следует ли поэтому считать один из этих двух сводов, носящих имя Роберта Мелунского, поддельным? Эту трудность можно преодолеть, если рассматривать тексты обоих кодексов рядом, в больших разрезах, предложение за предложением. Оказывается, что текст парижского манускрипта представляет собой компендиум, краткое изложение более подробного текста брюггского манускрипта²⁰.

В парижском тексте без нарушения смысла и связности были удалены все пролизы и лишние промежуточные звенья брюггского текста²¹. Таким образом, эта парижская рукопись, как и Reg. 7 F XIII Британского музея, представляет собой компендиум, эпитому «Сентенций» Роберта. Об этом также ясно говорится в парижской рукописи, когда фраза «*Quam necessario fuerit... hucusque pro modo abbreviationis ostendimus*». ²²В заключение этих замечаний о пространстве рукописей «Сентенций Робера» следует отметить, что этот труд, который Удин²³ называет «*opus ob dictionis nitorem et dicendorum ordinem praelo dignissimum*», за исключением нескольких небольших фрагментов, опубликованных Дю Буле²⁴, Мату²⁵, Хауро²⁶, Денифле²⁷ и Б. Гейером²⁸, до сих пор оставался неопубликованным²⁹.

б) Систематика.

Чтобы оценить «Сентенции» Роберта Мелунского как систематическое достижение, придется обратиться прежде всего к тексту, который мы встречаем в Брюггской рукописи, поскольку здесь собственная работа нашего схоласта более обширна, чем в Инсбрукском манускрипте и в Cod. Reg. 7 G II Британского музея. Но текст из Брюгге – это тоже корпус, хотя и огромных размеров. Невозможно с полной уверенностью сказать, были ли «Сентенции» Роберта, подобно более поздним великим суммам Александра Хайесского, Альберта Магнуса, Фомы Аквинского, Ульриха Страсбургского, Герхарда Болонского и т. д., не завершены рукой автора, или же полный текст произведения не сохранился в рукописи. Тот факт, что круг вопросов, рассматриваемых в Парижском сборнике, не выходит за рамки содержания Брюггского текста, делает первое предположение более правдоподобным.

²⁰ Здесь приведены лишь некоторые образцы текстовых версификаций: Cod. Brug. 191. Fol. 25: «*Sunt autem quattuor modi cognitionum, quibus mens rationalis ad divinam potest pervenire notitiam. Quorum duo ex gratia sunt, duo ex natura, qui sibi coniuncti mentem divina cogni tione illuminant. Nihil enim profieunt naturales, nisi ab illis adiuventur, qui ex gratia descendunt. Illorum vero, qui ex natura sunt, unus exterior est, alter interior*» Fol. 104: «*At vero quod malum esse bonum sit non parva questio est, que a multis magno sudore tractata invenitur et a multis auctoritatibus plurimis et rationi- bus multis probatum invenitur, quod malum esse bonum sit.*» Cod. Paris. 14522. Fol. 9: «*Sunt autem quattuor modi cogni- tionis, quibus mens rationalis ad divinam potest pervenire notitiam, duo ex natura, duo ex gratia et utrorumque unus exterior et alter interior.*» Fol. 46: «*Et quod malum esse bonum sit non parva questio est, quod tamen ex auctoritate videtur ostendi.*»

²¹ Благодаря этому материал Брюггского манускрипта, заполняющий более 800 листов фолио, в парижском манускрипте был сжат до 155 листов кварто.

²² Cod. lat. 14522, fol. 9.

²³ De scriptoribus ecclesiasticis II, Lipsiae 1722, 1452.

²⁴ Hist. Univ. Paris. II, Paris. 1665, 585—628 772.

²⁵ Observationes ad Robertum Pullum (M., P. L. CLXXXVI 1015 1053f).

²⁶ Histoire de la philosophie scolastique I, Paris 1872, 492—494.

²⁷ Archiv für Literaturund Kirchengeschichte des Mittelalters III 638.

²⁸ Sententiae divinitatis, Münster 1909, Небольшой фрагмент также напечатан в M. Grab mann, Die philosophische und theologische Erkenntnislehre des Kardinals Matthäus von Aquasparta 148.

²⁹ Нуайон готовит издание полного собрания Сентенций Роберта Мелунского.

Расширение такого огромного по объему произведения, как «Сентенции Робера», требует от автора высокой степени систематичности. Для того чтобы придать обзор и ясность этой массе материала, оживить и развить линии аргументации, избежать повторений, не нарушить связность за счет накопления второстепенных и третьестепенных вопросов, необходимы архитектурное мастерство, предрасположенность и понимание систематики. Роберт фон Мелун предстает перед нами как опытный систематизатор в конце пролога к полному произведению, а затем и в процессе реализации своего труда. По его собственным словам, задача, которую он поставил перед собой, будет выполнена, когда он вкратце рассмотрит таинства Ветхого и Нового Заветов – *sacramentum* в широком смысле Гуго Сен-Викторского – и завершит трактат о вере, надежде и любви, когда он создаст систематический труд, обладающий достоинствами своих образцов, а именно труд «*De sacramentis christianae fidei*».

Гуго Сен-Викторского и, не исключено, «Теологию» Петра Абеляра³⁰. Здесь он берет на вооружение принцип разделения, на котором основаны богословские труды Абеляра и его школы, и идею, также выраженную Гуго Сен-Викторским, в которой он замечает:

«В этом полностью заключена вся сумма человеческого спасения. Ибо тот, кто принимает таинства, имеет веру и упорствует в любви, непременно станет причастником вечного спасения».³¹ Общее представление теологии, ориентированное таким образом, должно быть реализовано не в путаном и беспорядочном, а в систематическом порядке, поскольку содержание ветхозаветного откровения сначала представляется как отправная точка теологической системы из-за его фундаментального значения для богослужения и его образцового значения для Нового Завета³². Наш схоластик больше склоняется к внутренней структуре и расположению, основанному на фактических соображениях; он не испытывает особого энтузиазма по поводу внешнего деления, которое аккуратно помещает обзор главы в начало нового раздела. Если он и не избегает этого внешнего шаблона, то не разум, а мода писать³³. Более подробно он обосновывает свою позицию, говоря, что эти внешние разделения, особенно в библейских книгах, основаны на большом количестве немотивированного субъективизма, и что отцы, Августин, Кассиодор и другие, не дают таких заголовков и оглавлений, не подвергая себя, таким образом, обоснованному упреку. Однако, поскольку привычка делать такие внешние разделения уже устоялась и приобрела определенный авторитет, он хочет уступить власти этой привычки и разделить свой труд на книги и главы, снабдив их заголовками. Деление на *sacramenta veteris testamenti et novi* является руководящим принципом для организации основных разделов или книг. Таким образом, работа разделена на две книги. Первая книга, посвященная *sacramenta veteris testamenti*, начинается с трактата о сотворении мира и доходит до учения о воплощении.

Во второй книге рассматривается *sacramenta novi testamenti* с доктриной воплощения в качестве отправной точки и эсхатологией в качестве заключения. За этим наброском контура всей работы сразу же следует обзор глав первой части первой книги.

Эти систематические ориентиры, изложенные во введении, Роберт держал в уме при работе над всей работой, не будучи, однако, педантичным и мелочным в своем подходе. Основное деление, заданное точкой зрения *sacramenta veteris et novi testamenti*, сочетается с основным делением, разработанным автором самостоятельно.

³⁰ «*Meum itaque propositum completum erit, si sacramenta veteris et novi testamenti breviter percurrando de fide et spe et caritate tractatum concluderetur*» (Cod. Brug. 191, fol. 6V). Ср. выше с. 295.

³¹ «*In his enim summa salutis humane integre continetur; nam qui sacramenta suscepit fideliterque crediderit ac in caritate perseveraverit, profecto salutis eterne consors erit*» (ibid.).

³² «*Id vero non perturbate, sed ordine agendum est et a sacramentis veteris testamenti exordium sumendum, quoniam ipsum canonicе scripture est principium et prima divini cultus institutio novique testamenti prefiguratio*» (ibid.).

³³ «*Huic vero opusculo titulos prescribere ipsumque titulis interpositis distinguere magis me compellit consuetudo quam ratio. Quod namque arbitrio cuiusque relinquitur, magna imprudentia est**» (fol. 8).

Это *Principalis enumeratio* охватывает пять основных вопросов: зачем был создан человек, как он был создан и изначально наделен, как он впал в грех, каким образом он был восстановлен.³⁴ Он возвращается к этим широко разбросанным основаниям для деления в начале новых разделов, чтобы оправдать себя за сделанные отступления и напомнить контекст развития мысли.

Это также отражает его стремление не нарушать *ordo enumerationis*.³⁵

Если мы теперь возьмем за образец Брюггскую рукопись и кратко изложим систему этих афоризмов, то на первом месте окажется введение (fol. 1-8), чье выдающееся значение для истории схоластического метода вскоре займет нас более пристально. Первая часть первой книги – обе книги делятся на части – состоит из 30 глав (fol. 8 – 20), в 18 из которых рассматриваются вопросы библейского введения в иногда весьма интересных объяснениях³⁶. 18-я глава, которая уже своим названием «*De differentia operis conditionis et reparationis*» раскрывает вдохновение Гуго Сен-Викторского, образует переход к трактату о Гексамероне, которому посвящена остальная часть первой части. Вторая часть (лл. 20—25), состоящая всего из девяти глав, посвящена причине творения и, после замечательных общих рассуждений о метафизике причин, излагает доктрину Троицы.³⁷ 33 главы третьей части (fol. 25—36), 28 глав четвертой части (fol. 36—43), 59 глав пятой части (fol. 43—57) и 52 главы шестой части (fol. 57—68) также посвящены исключительно доктрине Троицы. Трактат об отношениях между древними философами и догматом о Троице напоминает Абэллард³⁸. Эти обширные исследования доктрины Троицы свидетельствуют о высоком уровне спекулятивного таланта и диалектической остроты и подготовки, которая в некоторых местах характеризуется также тонкостью. Парс 7 (fol. 68—84) содержит 73 главы о силе, мудрости и благодати Бога³. Божественная мудрость в ее различных проявлениях и обозначениях составляет особенность восьмой части (fol. 84 – 101), которая делится на 117 глав³⁹. 102 главы парс нона (fol. 101—119) посвящены учению о Божьей воле⁴⁰. Десятая часть (fol. 119—133) в 94 главах продолжает учение об атрибутах Бога (неизменности, вездесущности и вечности) и, в частности, приводит заслуживающие внимания для того времени рассуждения о времени и вечности.⁴¹ С одиннадцатой частью (fol. 133—162) Роберт Мелунский покидает область спекулятивных теорий о Боге и вечности.

Троицы и предлагает необычайно подробное учение об ангелах в 219 главах. Со следующей части наш схоластик приступает к рассмотрению второго главного пункта своего *enumeratio principalis*: «*Qualis homo factus sit*», и дает учение о природе человека, состоящее из 194 глав (fol. 162—185), которое должно представлять немалый интерес для познания мета-

³⁴ «*Sunt autem quinque in prima et principali enumeratione proposita. Hec sunt: quare homo creatus, qualis factus et qualiter institutus, quomodo lapsus et qualiter restauratus*» (Cod. 297 Innsbruck, fol. 25 \ Cod. Brug. 191, fol. 119).

³⁵ «*Unum vero, que in principali enumeratione suscepti tractatus proposita sunt, quantura valui, certificavi et a dubitatione quantum potui absolvi i. causam creationis hominis et nonnulla que ad eiusdem cognitionem necessaria sunt visa subnectendo. Et ideo ne enumerationis ordo perturbetur, quod secundum enumerationem tenet locum, secundo loco in tractatum est assumendum et qualis homo factus sit diligenti investigatione est prosequendum*» (Cod. 297 Innsbruck, fol. 91. Cod. Brug. 191, fol. 164).

³⁶ Например, с. 1: *De hoc quod vetus testamentum novum in doctrina convenienter precessit*; с. 2: *De hoc quod vetus testamentum convenienter testimonium est novi*; с. 4: *De hoc quod pium est anime veritatem inquirere et de studiis cognoscende veritatis* (сокращение этой главы начинается с Cod. lat. 14522 Парижской национальной библиотеки); с. 11: *De occasione et causa, quare vetus testamentum in grecam linguam sit translatum*; с. 12: *De distinctione librorum novi testamenti et de causa, quare in eis nihil contineatur, quod non sit recipiendum, et de hoc quod scripture sanctorum expositorum tante non sunt auctoritatis.*»

³⁷ Первая глава озаглавлена: «*De primis rerum causis earumque differentiis ad alias causas*» (fol. 20).

³⁸ Л. 1, п. 2, с. 8: «*Auctoritates philosophorum de trinitate. Hermes mercurius. Платон*» (л. 23).

³⁹ «*Octava partis disputatio circa sapientiam dei tota consistit, que secundum diversos modos quibus res ei subiecte sunt diversis nuncupatur nominibus sc. scientia et prescientia et aliis que supponuntur*» (fol. 84).

⁴⁰ «*Pars nona de voluntate dei disserit*» (fol. 101).

⁴¹ С 61: *An motus temporalis deus capax esse possit* (fol. 128); с. 62: *An verbum hoc: sum, es, est temporis sit significativum quando dicitur: deus fuit, deus est* (fol. 128); с. 63: *De intellectu harum locutionum: deus fuit, deus est, deus erit* (fol. 128); с. 64: *An verum sit deum in tempore presentem esse, quia in omni tempore est* (fol. 129).

физической психологии XII века⁴². Следующая часть обозначена как «*prima pars secunde partis principalis enumerationis*» в Инсбрукской и Брюгтской рукописях и содержит 122 главы о том, какой была бы жизнь человека, если бы он не согрешил (fol. 185—199). Затем следует «Вторая часть главной части» (*secunda pars secunde partis principalis enumerationis*), представляющая собой полное изложение учения о суде над первыми родителями, их искушении и грехопадении человека с его последствиями в 337 главах (fol. 199—239). Заголовки глав в этой части отсутствуют. Остались только цифры на полях, указывающие на порядок глав. Далее следуют еще две части, завершающие учение о *sacramenta veteris testamenti*, в одной из которых в 162 главах рассматривается первородный грех, а в другой – *lex vetus* в его соотношении с *lex nova* в 115 главах. Это позволяет перейти ко второй основной теме догматики Роберта – трактовке *opus generationis*, которая должна была включать в себя учение о Воплощении, учение о таинствах и эсхатологию. Учение о Воплощении⁴³ начинается на листе 272, поскольку Новый Завет начинается с тайны Воплощения. Учение о таинствах также объявляется во вступительных словах к учению о Воплощении.

Брюгтская рукопись содержит еще 196 глав христологического и сотериологического содержания и обрывается перед концом учения о Воплощении.

с) Вера и знание.

В начале своего учения о Троице Роберт фон Мелун обсуждает принципиальные отношения между верой и знанием. В самом начале этих рассуждений он подчеркивает интеллектуалистический и моральный аспект веры. Вера не является ни слепой, ни чем-то несвободным и принудительным. Вера невозможна без использования способности мыслить и человеческой свободы. Что касается функций мышления и знания, которые связаны с верой, то он прежде всего утверждает следующее: есть знание, рациональное понимание, к которому ведет вера, но которое не ведет к вере. Но есть также знание, понимание, которое ведет к вере и без которого вера абсолютно невозможна. Это последнее знание – понимание, правильное понимание слов, с помощью которых провозглашается и преподается вера.

Далее Роберт Мелунский выделяет три вида *intelligentia*, три вида знания в отношении сверхъестественной истины. Первое – это *intelligentia verborum*, правильное понимание слов, с помощью которых нам преподносится истина веры. Второе знание – *intelligentia rei et speciei*, реализация этих сверхъестественных истин в небесном блаженстве. Это знание отменяет веру. Мы видим на небесах то, во что верим здесь, на земле. Третья форма знания – это озаренное верой проникновение разума в содержание откровения, которое характеризуется предложением «*Crede et intelliges*» и возможно здесь и сейчас. Это знание достигается через веру. Вера – причина более глубокого проникновения в сверхъестественные тайны. Эта *intelligentia*, эта третья форма рационального постижения истин веры, есть не что иное, как наука, основанная на вере, которая дает нам достаточный навык и способность излагать истины веры и отвечать на них другим. Этими словами, которые перекликаются с начальными словами «*Summa sententiarum*», приписываемой Гуго Сен-Викторскому⁴⁴, Роберт Мелунский дает определение спекулятивной, схоластической теологии.

⁴² Следует обратить внимание на следующие главы: с. 1: *De excellentia forme corporis humani*; с. 5: *De diversorum opinionibus de hominis compositione habitus*; с. 6: *Quare anima humana substantia sit incorporea*; с. 8: *In quibus anima humana maxime distat a corporis natura*; с. 9: *De ratione immortalitatis anime humane*. Главы 10 – 15 посвящены бессмертию человеческой души.

⁴³ «*Ipsam namque novum testamentum a ipso incipit mysterio incarnationis. Inquit enim Mattheus: Liber generationis Iesu Christi filii david, filii abrahe. Et bene a generatione Iesu Christi novum testamentum incipit, per quam fit reparatio generis humani. Quare et vetus initium sumpsit a generatione celi et terre, per quam conditum est genus humanum*» (fol. 272).

⁴⁴ «*De fide et spe, quae in nobis est, omni poscenti rationem reddere, ut ait Petrus*» и т. д. (М., Р. L. CLXXVI 41). – «*Prompta et sufficiens reddende rationis creditorum scientia*» (Cod. Brug. 191, fol. 22).

После этого тройного деления *intelligentia* наш схоластик еще раз подчеркивает интеллектуалистический характер веры. Сама вера, акт веры – это просвещение разума, которое рассеивает невежество. Не может быть веры без признания того, во что верят. То, что никак не признается, никогда не может быть верой⁴⁵. В этих рассуждениях о вере и знании Роберт Мелунский следует за ходом мыслей Августина и Ансельма Кентерберийского, составляющих рабочую программу «*Credo, ut intelligam*». В своем подчеркивании интеллектуалистического характера веры и акценте на понимании содержания акта веры объяснения Робера напоминают Гюго Сен-Викторского, но идут дальше Гуго в плане более точного определения точки зрения.

d) Внешняя техника.

Мы можем очень кратко рассказать о внешней технике, использованной Робертом Мелунским в отдельных подробных анализах его «Сентенций», поскольку анализ его «Пролога» сразу же прольет на это достаточно света. Нам не нужно кропотливо выводить методы и принципы работы этого схоласта из его сочинений; напротив, нам повезло, что из-под его пера вышли исчерпывающие высказывания принципиального и критического характера о научной работе.

Метод работы и изложения в «Сентенциях» Роберта – это метод мыслителя, который углубляется и хочет проверить свою мыслительную энергию именно в трактовке и освещении сложных проблем. Вся работа основана, как он сам иногда выражается, на намерении осветить более темные и трудные места Священного Писания и приблизить их к пониманию даже среднего богослова⁴⁶. Он хочет, насколько это возможно, донести до читателя определенные мысли и устранить любые сомнения и возражения, которые могут возникнуть⁴⁷. Для этого он разбивает большие темы и главные вопросы на более мелкие разделы и вопросы и старается прояснить истинный смысл сложных предложений и изречений, исследуя их как можно полнее. Он не успокаивается, пока, например, не придет к ясному пониманию смысла павловского предложения «*Deus vult omnes homines salvos fieri*» (1 Тим 2:4).⁴⁸ В таких подробных анализах он также учитывает современные решения и часто выдает нелестные предикаты⁴⁹.

⁴⁵ «*Fides autem nee ceca est neque coaeta, ut vel non intelligentes credant vel nolentes. Neque istud dico, quin vere dictum sit: crede et intelliges. Nam ad quandam intelligentiam fide pervenitur et non illa intelligentia ad fidem. Est tamen intelligentia quedam, sine qua ipsa fides non potest a quocumque haberi i. intelligentia verborum, quibus ipsa fides predicatur. Est enim intelligentia tripartita: una verborum, quibus ipsa fides predicatur, sine qua ipsa fides numquam potest haberi. Est vero altera rei et speciei, circa quam fides numquam potest esse, que in futuro erit, ubi quod credimus videbimus. Alia illa est, de qua nunc agimus et pro qua scriptum est: crede et intelliges. Nam ad intelligentiam credendo pervenitur et non ad fidem intelligendo. Est quippe fides causa cuiusdam intellectus et non ille causa fidei. Hic enim intelligentia appellatur prompta et sufficiens reddende rationis creditorum scientia, quam per fidem quisque meretur. Fides tamen ipsa quedam illuminatio mentis est ignorantiam infidelitatis expellens. Non est ergo fides absque eius cognitione quod creditur. Unde id quod omnino ignoratur nulla ratione creditur nee etiam ab invito aliquo modo fides habetur*» (Cod. Brug. 191, fol. 22). – Сокращенный вариант этого текста приводится в Cod. lat. 14522 Национальной библиотеки, лист 8: «*Fides autem nee ceca est nee coaeta, ut vel non intelligentes credant vel nolentes. Neque istud dico, quin vere dictum sit: crede et intelliges. Est enim intelligentia tripartita. Una verborum, quibus ipsa fides predicatur et sine qua non habetur, alia rei et speciei, cum qua fides esse non potest, que in futuro erit, ubi quod credimus videbimus, alia est, de qua nunc agimus et pro qua scriptum est: crede et intelliges, que est prompta et sufficiens reddende rationis creditorum scientia, quam per fidem quisque meretur. Fides tamen ipsa est quedam mentis illuminatio ignorantiam infidelitatis expellens*».

⁴⁶ «*Suscepti operis propositum, cuius intentio est docere ea, per que loca sacre scripture obscuriora intelligentie minus capaciora aliquatenus evidentiora fiant*» (Cod. 297 Innsbruck, fol. 46).

⁴⁷ «*Quantum valui certificavi et a dubitatione quantum potui absolvi*» (ibid. fol. 91).

⁴⁸ L. 1, p. 9, c. 65: «*Quod ille expositiones, quas quidam faciunt de hac auctoritate: deus vult omnes salvos fieri non adimunt locum questioni de inexpletione voluntatis dei propositae*»; c. 66: «*Quod non convenienter hanc auctoritatem exponant: deus vult omnes homines salvos fieri qui eam ita exponunt: deus approbat, quod omnes salvi sint*»; c. 67 и c. 68 отвечают толкование *velle* = *consulere* и *precipere*; c. 69: «*Quod quorundam catholicorum doctorum expositione ostendi potest hanc vocem „vult“ in hac auctoritate: deus vult omnes salvos fieri proprie positam*» (ibid. fol. 16–17).

⁴⁹ «*Quam inefficax illa sit quorundam ratio**» (ibid. fol. 18). «*Quam frivola sit nee auditu digna quorundam ratio*» и т. д. (ibid. fol. 29). «*De euphabili responsione*» и т. д. (ibid. fol. 57).

Наш схоластик обильно использует диалектику, прежде всего логику языка, хотя и остерегается излишеств и подчеркивает, что предложения диалектиков не могут претендовать на безусловную обоснованность в богословской области.⁵⁰ При решении вопросов мы везде сталкиваемся с методической процедурой. Дистинкция (*distinctio*) лежит в основе удовлетворительного решения (*solutio*).⁵¹ Такое решение часто ищут для *quaestio*, которая также проливает свет на ряд других вопросов⁵². Внешняя техника, использованная Робертом Мелунским, повсюду обнаруживает влияние метода диспута, который был усовершенствован открытием всего «Органона».

В использовании *auctoritas* наш богослов везде сочетает благоразумную независимость с искренней оценкой достижений Отцов. Он высоко чтит Августина, этого «*lumen ecclesie de tenebris gentium ad fidem vocatum*».⁵³ Он также с благодарностью отзывается о трудах Боэция: «*vir in philosophia perfectissimi atque in fide catholica probatissimi*». ⁵⁴ Даже то, что языческая философия переработала в плане истины, может быть поставлено на службу теологии⁵⁵. Платон цитирует «*summum in philosophia philosophorum Plato in suo illo excellentissimo opere Timeo*».⁵⁶ Однако переоценка языческой философии также подвергается критике⁵⁷.

Это лишь несколько штрихов о научном подходе и принципах работы Роберта. Пролог к «Сентенциям Роберта» даст нам полную картину.

е) Критика современных методологических тенденций в прологе к «Сентенциям Роберта» (Cod. Brug. 191).

Некоторые ученые имеют обыкновение уделять слишком много внимания детальным исследованиям и, чрезмерно заикливаясь на отдельных вопросах, терять из виду точку зрения систематического обзора и обобщения. Другие попадают в противоположную ловушку и сосредотачиваются исключительно на *summa*, то есть обобщающем, резюмирующем знании, полностью игнорируя тщательное специальное исследование. Такие поверхностные обобщения не приведут к созданию надежной системы. Ведь что такое сумма в ее истинной природе, как не сжатое изложение результатов специализированных исследований? При отсутствии ясности и неопределенности в отдельных вопросах невозможно создать полезное общее представление. Такая форма компилятивного знания, не тронутая детальным знанием, не заслуживает названия точности; это лишь иллюзия краткости. Такая краткость гораздо хуже многословия. Даже если такое сжатое изложение избегает ошибки отвлечения на второстепенные вопросы, оно лишает ум любви к науке и наполняет его неясными идеями, которые мешают восхождению к более глубоким исследованиям. Ум сковывается, путь к самостоятельным, более глубоким размышлениям преграждается. В итоге – безделье, полное угасание научного чувства и научной инициативы⁵⁸.

⁵⁰ «Locutiones sacre scripture Uli rationi dialecticorum subiecte non sunt, qua reprehendunt locutionem, in qua vox omnis harum significationum cum verbo eiusdem numeri copulatur» (Cod. 297 Innsbruck, fol. 20).

⁵¹ «Queritur ergo, an perfecti an imperfecti creati sunt (sc. angeli). Ad huius interrogationis responsionem faciendam distinguenda est, quibus modis perfectum et imperfectum dici soleat» (ibid. fol. 57).

⁵² «Huius autem questionis solutio non solum presentem questionem absoluit a dubitatione, verum etiam omnes supra positas. Nam ab una sola radice totum quod superius quesitum est originem ducit, qua eradicata nihil dubitationis remanebit» (ibid. fol. 36).

⁵³ Ibid. fol. 132

⁵⁴ Ibid. fol. 115.

⁵⁵ Cp. Grabmann, *Geschichte der scholastischen Methode* I 59.

⁵⁶ Cod. Brug. 191, fol. 20.

⁵⁷ «Qui autem sic disserunt, sapientiam Piatonis sequuntur et huius mundi que animalis est et non pereipit ea, que Spiritus sunt dei» (Cod. 297 Innsbruck, fol. 70).

⁵⁸ «Nonnullorum scribendi consuetudo est, ut in singulis immorentur quorum summam se persecutores esse pollicebantur; quo fit, ut nee in singulis quantum oporteret diligentes sint nee in summa satis compendiosi. Alii vero in scribendo alium sequuntur

Вторая научная болезнь нашего времени, о которой Роберт фон Мелун говорит очень серьезно, почти с горечью, – это детское, шаблонное пересказывание и воспроизведение глосс к Священному Писанию, пренебрегающее самостоятельным погружением в более глубокий мир мысли об откровении. Эта поверхностная популярная процедура соответствует интеллектуальному уровню тех, кто представляет лишь листки, а не плоды богословской мысли, и совсем не удовлетворяет научные потребности продвинутых студентов. Как при физическом питании необходимо проводить различие между нежным возрастом ребенка и полной силой и зрелостью взрослого, так и при преподавании с педагогическим тактом необходимо проводить различие между продвинутыми и стремящимися вперед, а также новичками и начинающими. Последним не следует предлагать трудные задачи, тяжесть которых скорее сокрушит ум, чем даст ему научный стимул. И наоборот, продвинутым студентам не следует преподносить поверхностные и неглубокие доктрины, поскольку это исключит более глубокое и основательное знакомство с трудными научными вопросами и прозрениями.

Теперь наш схоластик рисует довольно мрачную картину этого поверхностного способа преподавания. Он жалуется, что мы день и ночь занимаемся очень поверхностными истинами и банальными вопросами.

Не является ли вопиющей тратой времени приобретение навыка декламации прописей и точного знания того, где все написано черным по белому? Как может такой декламатор присваивать себе имя науки, ведь ни общее мнение, ни научная точка зрения школы не считают такой навык достойным имени науки и академического катета⁵⁹.

В таком способе работы отсутствует то, что составляет душу науки, а именно острый критический взгляд, который создает свет там, где есть сомнения и тьма, и обнаруживает и устанавливает трудности там, где, казалось бы, все ясно. Сомнение – это принцип прогресса в науке. Оно показывает нам пробелы в наших знаниях и необходимость их пополнения, тем самым подстегивая нас к научным исследованиям.⁶⁰ Однако упомянутые *recitatores* не учатся, а лишь хотят, чтобы их приняли за студентов, за исследователей; они не читают, чтобы глубже понять. Они предпочитают ничего не понимать, чем ничего не читать. Лекции, читаемые пре-

morem, qui sie summe intendunt, quod singulorum mentionem non faciunt omnino. Qua de re evenit summe illorum parvam vel nullam fieri doctrinam, que intaeta pretereuntur. Quid enim summa est? Nonnisi singulorum brevis comprehensio. Ubi ergo singula inexplicata relinquuntur, ibi eorum summa nullo modo docetur; singulis namque ignoratis summam sciri impossibile est, siquidem summa est singulorum compendiosa collectio, quia nee summam docet qui singula pretermittit nee ad summe pervenit doctrinam, qui singulorum negligit cognitionem. Neque enim brevis est in hoc genere docendi, sed fallax brevitatis similitudo..... Animum ab amore discipline prorsus alienat tantaque tenebrarum obscuritate involvit, quod postea vix ullo conamine ad haustum evidentioris doctrine emergere valet..... Duplici ergo detrimento incommoditas brevitatis mentem aggravat, quia et amorem cognitionis excludit et viam exercitationis intercludit, odium quoque veritatis animo ingerit neenon in teporem atque torporem omnis ignavie, omnis desidie, omnis socordie convertit» (Cod. Brug. 191, fol. I).

⁵⁹ «Est vero preter hoc novum docendi genus nuper exortum, immo puerile recitandi Studium populari favore quorundam folia fructuum tegentia querentium immoderate elevatum. Iam enira more porcorum pruriginis totum invasit gregem..... Quanta enim corporalis alimonie differentia opus est in tenera puerilis etatis infantia nutrienda ac maturitate iuveni vel roborem procuranda, tanta nimirum et multo maior non parva diligentia est observanda in eruditione prime institutionis novellarum mentium et in consummatione ad ulteriorem locum discipline provectorum. Nam ut teneris animis maiore difficultate implicita committenda non sunt, quia eos pondere gravitatis obruerent potius quam instruendo intelligentiam prepararent et inanum foliorum fallaci decore perstringerent magis quam ad investigationem profundorum excitarent..... Nam circa ea que plana sunt et fere omnibus patent die ac nocte invigilamus totumque studendi spatium consumimus et propemodum consumimur licet nee consummemur nee consummemus. Quid enim est nisi consummationis consumptio nocturnis lucubrationibus ac diurnis sudoribus solam scriptorum recitationis facultatem adquirere et, ubi scripta sunt nominatim scire, assignare? Qua vero ratione eum scientia predictum dicemus qui in ea tantum abundat facultate, quam nee usus communis nee eruditio Scholaris umquam in scientiarum numerum admisit, nee doctoris cathedra dignum iudicavit, sed recitatore fore habendum statuit qui in tali facultate ceteris prevaluit» (fol. I). На полях примечание: «De his qui studiis legendi et recitandi auctoritates intendunt et non intelligunt.»

⁶⁰ «Quomodo enim plene doctoris exsequitur officium qui dubia non certificat neque que certa esse videntur quid in se dubitationis contineant inquisitione rationabili exquirat? ... Sunt nempe nonnulla dubitationis commoda, que scientie omnino expers non est, quoniam quod nescit se nescire intelligit, qua nulla scientia utilior est et quod abesse cognoscit, ut inveniat, nee pigram diligentiam adhibet» (fol. I).

подавателями такого типа, бесплодны, поскольку в них нет глубокого проникновения⁶¹. Они делают акцент на количестве прочитанного материала. Они торопливо прочитывают Ветхий и Новый Заветы и их объяснения, не встречая никаких сомнений или трудностей. Они предпочитают знать все плохо, а не только что-то хорошо; они предпочитают быть беглыми везде, а не основательными во всем.

И все же, как сказал князь этиков, читать нужно немного, а размышлять часто. Кто везде успевает, тот нигде не бывает дома. Эти всезнающие декламаторы похожи на путешественников, у которых много пристанищ, но нет постоянного пристанища⁶².

Как можно говорить о более глубоком понимании тех, которые едва ли знают порядок, количество и названия книг, которые они толкуют с такой самоуверенностью.

Поверхностность этих учителей проявляется в полном осмеянии, когда они действительно хотят разобраться с вопросами и проблемами. Например, вопрос о том, был ли Есдра до Моисея или Моисей до Есдры, серьезно не рассматривался в этих кругах⁶³. Главная ошибка заключается именно в пренебрежении текстологическими и источниковедческими исследованиями и исключительной увлеченности глоссами. Фокус научных исследований был смещен с проблемы на (предполагаемое) решение, с текста, подлежащего толкованию, на интерпретацию, с неясного и трудного на очевидное и банальное, с сомнительного на бесспорное, с глубокого смысла на поверхностную интерпретацию, с материала на инструмент и рутину, с первичного на вторичное, с текста на глоссу⁶⁴.

Этому одностороннему предпочтению глосс в ущерб тексту, этой полной инверсии метода обучения⁶⁵ сегодня резко противостоит наша схоластика в пространных изложениях.

Вначале он подчеркивает, что изучение глосс ни в коем случае не является *conditio sine qua non intelligentia textus*. По его мнению, изучение глосс может существовать или отсутствовать без более глубокого понимания текста. *Intelligence textus* может вполне существовать и без знания глосс. Конечно, нельзя представлять кого-то как глубокого знатока Псалтири и Паулины только потому, что он читает глоссы и механически указывает, где эти глоссы следует читать⁶⁶. Мы также не должны позволять обманывать себя ложным течением и модой, которая излишне превозносит этих глоссистов и незаслуженно возносит их на кафедру.

⁶¹ «Nam non student, sed studiosi haberi appetunt neque legunt, ut intelligant, quia malunt non intellexisse quam non legisse; non enim vitio dueunt legere et non intelligere. . . . Quia ergo nulla bene leguntur aut audiuntur que non intelliguntur nulla leeta vel audita, si non sint intellecta, sufficere possunt (fol. 1).

⁶² «Sed quomodo eos arguere aliquis audebit qui die ac nocte absque ulla intermissione lectionis instant atque utriusque testamenti paginam transcurrunt eorumque expositiones a principio usque ad finem crebro revolvunt, a minhnis inchoantes sine mora ad summos utpote nullum obstaculum invenientes conscendunt. Malunt quippe omnia scire quam aliquid et ubique esse quam alicubi, admonitionis principis ethicorum nescii, amicum ad studium perfectum adhortantis. Inquit enim: Memento, ut pauca legas eademque frequenter revolvās. . . . Nam qui ubique est, nusquam est. . . . Unde non immerito peregrinantibus conferri possunt, qui multa habent hospitia et nullas domos, quos iugis vagatio et crebra locorum mutatio nee alios cognoscere nee ab aliis cognosci sinit» (fol. 1).

⁶³ «Quomodo enim quidquam eos intellexisse eredendum est, qui librorum, quorum se non solum auditores, sed etiam diligentissimos expositores esse iactitant, ordinis, numeri nominumque sunt ignari. Unde et sepe de his seeundum eorum arbitrium graves generant questiones, quarum unam ad virum nostri temporis doctissimum delatam audiavi; ad quam proponendam hū qui ceteris prestare videbantur convenerant, qui non solum solventis discipuli essent, verum etiam iudices. Fuit autem hec questio: quis quem precesserit Esdras Moysen an Moyses Esdran (fol. 1).

⁶⁴ «Omne quippe inquisitionis studium a questione ad argumentum, ab exponendo ad expositionem, ab oeculto ad manifestum, ab arduo ad planum, a dubitabili ad indubitatum, ab intellectu ad sensum, a materia ad instrumentum, a principali ad seeundarium, i. e. a textu et serie ad docendum susceptis ad glossas se convertunt» (fol. 1). На полях написано: «De his qui textum negligentes glossis intendunt».

⁶⁵ «Ordinis namque doctrinalis magna confusio est et discipline intolerabilis perturbatio seeundarium principali adaequare, nedum antepone: quod ab his fieri qua ratione negabitur, qui textu et serie legendorum librorum postpositis, totam lectionis operam in studio glossularum expendunt» (fol. 1).

⁶⁶ «Non ergo glossularum scientia remota textus intelligentiam tollit nee posita eam statuit. . . . Non itaque aliquem arguere possumus aut psalterium nescire aut apostolum non intelligere aut ad eorum doctrinam non sufficere, qui nee glossas legit nee ubi legi debeant docet; nee hec sufficit ratio ad asserendum aliquem aut psalterium scire aut apostolum intelligere vel ad eorum doctrinam sufficere, quia glossas legit, aut ubi legende sint, distinguit» (fol. 1).

Такой поверхностный способ преподавания резко контрастирует с правильным и методичным способом преподавания. Этот правильный метод заключается в том, что учитель быстрее справляется с предметами, представляющими меньшие трудности, что он продолжает оставлять ученику вполне ясные и понятные темы и, с другой стороны, уделяет больше внимания неясным и сложным проблемам⁶⁷. Это свидетельствует о совершенно затуманенном и неверном суждении студентов, если они вообще считают способным профессором того, кто умеет педантично разделять, расставлять знаки препинания и отмечать глоссы, но не имеет ни малейшего представления о более глубоком понимании текста⁶⁸. И все же цель *lectio* – это *intelligentia textus*, которая называется *sententia*. Тот, кто не истолковывает, что хочет сказать Писание, читает его неправильно.

Знакомство с глубинным смыслом и контекстом, с *sententia* Писания, является мерилем уровня знания Писания и богословского образования. Но там, где все сосредоточено на чтении глосс, эта *sententia* оказывается *terra incognita*. Наш схоластик стремится подчеркнуть и поддержать свою полемику против неоправданного и неметодичного предпочтения глосс, проводя принципиальное исследование степеней *auctoritas*, представленных в отдельных богословских жанрах Писания, и затем вынося суждение о том, какой авторитет следует приписывать глоссам. Он утверждает, что глосса не является ни *auctoritas*, ни чем-то похожим на *auctoritas*, даже если кажется, что она взята из *auctoritas*.⁶⁹ Для дальнейшего обоснования и освещения этого положения выделяются следующие уровни аукториты: Существует класс священных писаний, в которых причина аукториты лежит исключительно на их авторе. Это пророческие и апостольские писания. Они не являются подлинными, потому что были одобрены потомками. Такое принятие и одобрение со стороны более поздних времен, возможно, и способствовало распространению этих писаний, но не придало им *auctoritas*. Эти писания были одобрены и пересказаны, потому что они подлинные. Принятие и одобрение не является причиной аукторита, но, наоборот, аукторита, присущая писаниям, является причиной их принятия и одобрения в последующие времена⁷⁰. Эти писания – одновременно и фундамент, и гора. Они дают первые зачатки веры для начала религиозного познания и в то же время являются заключительными документами для доказательства веры. Поскольку свидетельство о том, почему мы должны принимать и придерживаться содержания веры, следует искать в священных писаниях, на первый план выходят те писания, в которых это изложено наиболее ясно и наиболее надежно доказано.

Но это те писания, которые не имеют более высокого основания для доверия, чем они сами, то есть Ветхий и Новый Заветы, оба из которых утверждаются своими собственными аргументами и не нуждаются в поддержке внешних доказательств⁷¹.

⁶⁷ «Quis enim timore ignorantie hoc docendi formidaret officium, in quo id agere quod doctoris esse constat, reprehensione dignissimum censetur, i. e. ea que non multum dubitationis habent modica expositione transcurrere et que perspicua sunt auditoris ingenio relinquere ac circa maioris obscuritatis ambiguitatem involuta diligentius consistere? Quem morem docendi quasi detestabilem illi fugiunt qui ultra sensibus subiecta rationem extendendam esse nesciunt» (fol. 1 u. 2).

⁶⁸ «Contendunt vero saepe et multum acute, an glossa... apte punetur, convenienter assignetur. Ad quod qui sufficit omnium fere iudicio in lectione perfectissimus habetur, licet in sententiis ei nomen perfectionis non concedatur. Quam ceci iudices qui aliquem in lectione perfectionem habere posse existimant, qui in sententiis est imperfectus. Quid enim aliud in lectione queritur quam textus intelligentia, que sententia nominatur. Non enim ille bene legit, a quo quid scriptura sentit diligenter non exponitur. Indubitanter ergo tenendum est nullum utilem esse in lectione qui in sententiarum non valet discussione..... Hoc autem ibi fieri fatendum est, ubi lectioni glossarum, immo recitationi tota incumbitur intentione» (fol. 2).

⁶⁹ «Verum nulla invenitur auctoritas, que eas adeo authenticas fecerit, quod idcirco aliquid sit concedendum vel contradicendum, quia ipsum hoc affirmant et negant; nam non est glossa auctoritas nee auctoritati equipollens, licet ex auctoritate assumpta videatur» (fol. 2).

⁷⁰ «Sunt vero quedam sacre scripture, quarum auctoritatis causa penes ipsum auctorem solum consistit, ut sunt prophetice et apostolice, que non idcirco sunt authenticæ, quia sunt a posteris comprobate. Non enim posterorum comprobatione eis est auctoritas collata, licet per eos sit dilatata, sed quia erant authenticæ sunt ab eis probate. Unde non est comprobatio causa auctoritatis eorum, sed auctoritas causa probationis» (fol. 3). На полях написано: «De auctoritate scripturarum».

⁷¹ «Nam hec fundamenta sunt et montes i. prima rudimenta fidei nostre in inchoatione et ultima documenta in confirmatione.

Вторая группа священных писаний – это те, которые пользуются высокой репутацией авторитета скорее благодаря одобрению и принятию со стороны последующих времен, то есть со стороны Церкви, чем благодаря притягательной силе их автора, о котором мы здесь не имеем более близкого представления.

Не благородная личность автора делает эти писания подлинными, а их последующее признание и подтверждение. Одной из таких книг является та, что дошла до нас под именем Иова. Существуют и другие священные трактаты, авторы которых нам неизвестны⁷².

Существуют также сочинения, которые Святая Церковь перечитывает, несмотря на то, что осудила их авторов как еретиков, например, труды Оригена и других. Однако сочинения еретиков никоим образом не обладают достоинством *auctoritas*.

Такие произведения также не следует цитировать под именем их авторов для доказательства своей правоты, а если они действительно цитируются, то не должны рассматриваться как подлинные. Только потому и в той мере, в какой они одобрены Церковью, они имеют авторитет для подтверждения сомнительных вопросов и для подтверждения неопределенных предметов..⁷³

Наконец, мы знаем еще один класс священных писаний, которые черпают свое подлинное значение из двух источников *auctoritas*, как из одобрения Церкви, так и из веса автора, но таким образом, что одобрение значительно перевешивает авторитет автора. Это труды святых толкователей Ветхого и Нового Заветов, например, Иеронима и Августина. Эти труды обладают большей убеждающей силой в прояснении и отсеивании сомнительного и закреплении несомненного, потому что они признаны и приняты Церковью, чем потому, что они написаны носителями великого имени.

Если в этих трудах Отцов встречаются места, которые, как кажется, отклоняются от вероучительной практики Церкви, их следует либо истолковать в смысле общепринятого мнения Церкви, либо, если это невозможно сделать, просто отказаться от них. Последнее, несомненно, является намерением самих этих авторов, которые не только согласны с этим, но даже серьезно желают этого.⁷⁴ После этой классификации и оценки *auctoritas* Роберт фон Мелун возвращается к собственно цели этих объяснений, а именно к определению степени авторитетности глосс.

Среди глосс он придает большее значение глоссам на Псалмы и Паулины. В целом, однако, он сохраняет свой тезис о том, что глосса не представляет собой *auctoritas*.

В частности, эти глоссы лишены всех *auctoritas*, которые отличаются по формулировкам от *auctoritates*, то есть от текстов Отцов, из которых они взяты. И снова он резко обличает богословов глосс за то, что они пренебрегают тем, что первично и на чем покоится фундамент всей нашей веры, а именно Священным Писанием Ветхого и Нового Заветов и чудесными

Cum in scripturis fidei nostre testimonium queritur aut quare recipienda sit aut cur recepta observanda, hee in medium (sunt ferende) primo, quibus evidentius exponitur et certius confirmatur, quales eas esse constat, que superiori non possint ratione confirmari, i. e. vetus et novum testamentum, que propriis firma sunt argumentis nulla probatione* (fol. 3).

⁷² «Sunt et alie sacre scripture, que in magno sunt auctoritatis honore ex comprobatione potius quam ex commendatione auctoris, cuius nulla certa cognitio habetur. Quare huiusmodi sacre pagine scripturas non dignitas auctoris authenticas fecit, sed comprobatio acceptoris, ut est ille über, qui sub persona lob est compositus, et alii complures tractatus, quorum compositores omnino ignorantur* (fol. 3).

⁷³ «Sunt et alii quos sancta suscipit ecclesia tractatus, quorum auctores crimine heresis damnavit, ut Origenes et quorundam aliorum, sed non idcirco hereticorum scripta auctoritatis obtinent dignitatem. Unde nee sub auctoris nomine ad alieuius rei confirmationem sunt inducenda aut ita indueta quasi authentica recipienda, sed quia ab ecclesia sunt comprobata, idcirco in dubiorum certificatione et incertorum confirmatione auctoritatis videntur vigent dignitate» (fol. 3).

⁷⁴ «Alios adhuc non ignoramus sacre scripture tractatus, qui quamvis utriusque auctoritatis presidio, i. e. tarn comprobatoris quam auctoris, in iure authentico non nihil possunt in eis tarnen auctoritas comprobans non parvo gradu excellit auctoritatere componentis. Huius generis sunt scripta sanctorum expositum veteris testamenti et novi scüicet hieronymi, augustini et aliorum. Nam^niulto plus possunt in ambiguum distinctione et concessorum assertione eo quod ab ecclesia comprobata sunt quam inde quod a doctoribus non minime auctoritatis sunt composita. Unde si que in eis inveniuntur, que ab usu sanete ecclesie discrepare videantur, aut ad ipsum reducenda sunt aut si hoc fieri non potest omnino sunt relinquenda ipsorum auctoribus permittentibus, verum etiam preepientibus» (fol. 3).

толкованиями Отцов на них, и отдают первое место тому, что едва ли можно рассматривать даже во второстепенном плане, а именно глоссам⁷⁵.

Роберт Мелунский, продолжая борьбу с поверхностным богословием глосс, решительно выступает против другой дурной привычки, которая пыталась закрепиться в современной учености, а именно стремления говорить красивее и напыщеннее, чем правдиво, чтобы освежить слух больше, чем ум. Он выступает, если хотите, против вторжения риторики и вымысла в область серьезных, трезвых научных исследований. Каждая речь, начинает он, должна быть направлена на то, чтобы освежить разум. Иначе она бесполезна и бесплодна⁷⁶. Простой эвфемизм не оставляет в сознании семян истины, когда слова утасуют для слуха.

Действительно, очарование, которым обладает такой эвфемизм для слуха, часто завораживает и застает врасплох неосторожный ум. Нашему схоластику здесь вспоминается история о сиренах, которые чарующей мелодичностью своих голосов заманивали многих в смертельную опасность⁷⁷.

Солидное философское образование, подготовка к философским диспутам представляется нашему теологу защитой от риторических попыток представить ложное как истинное, а истинное как ложное. Чтобы проиллюстрировать контраст между философией и риторикой, Роберт фон Мелун ссылается на враждебное отношение греческих философов к риторам, прежде всего Платона, который считал хорошей идеей изгнать Эсхина из философского преподавания, поскольку тот был более склонен к красноречию, чем к серьезным философским размышлениям⁷⁸. Платоновские сочинения также редко содержат ораторскую пышность, чтобы не мешать уму читателя искать истину. Если Платон и другие философы и применяют яркие краски риторических украшений в отдельных отрывках своих сочинений, то только для того, чтобы вдохновить читателя на еще более решительное проникновение в глубины истины.

Мотивом столь редкого использования риторики в философских изысканиях является не развлечение, не щекотание ушей, а укрепление и позиционирование силы мысли по отно-

⁷⁵ «Sunt vero glosse quedam, que ceteris celebriores habentur, que non simpliciter sancte, sed sancte sanctorum dicuntur..... Hee autem ille sunt, que psalterium et epistolas exponunt..... Peccant ergo qui glossas quasi auctoritates essent ad aliquorum probationem vel infirmationem afferunt, cum nee auctoritates sint nee in tali negotio auctoritatis locum obtinere possint.... Et ideo verum esse quod diximus necesse est scilicet nullam earum glossarum auctoritatem esse, que in verbis ab ipsis auctoritatibus sunt diverse, ex quibus excerpte creduntur. Eas ergo ignorantia miserabili aut ex obstinatione dampnabili nonnullorum favour scholarum ita attollit, ut plus apud eos possint quam auctoritates, ex quarum veritate eis fides exhibetur. Quod quam stultum sit quamque ordini sani dogmatis noxium, quis non videat qui intelligit que precedere debeant et que sequi. In quibus quanta perversio fiat ab his, qui quasi sacramento glossarum recitationi se obligaverunt, manifestum est. Id quod nee secundum possit tenere locum in primo constituunt et parvi vel nullius existimant momenti, cui tota nostre fidei ratio est innixa, i. e. veteris et novi testamenti scripturam eiusque preclarissimas expositiones a sanctis patribus traditas» (fol. 3).

⁷⁶ «De alio adhuc genere studiorum non inutile disserere mihi visum est nee Ulis forsitan videbitur quorum Studium potius scire quam sciri. Est ergo quorundam Studium non solum in doctrina sacre scripture, verum etiam in secularium artium disciplina, ut magis ornate loquantur quam vere et magis delectent quam prosint auresque pascant et non animum, ad cuius refectionem omnis locutio est formanda, quod cum efficere non valeat omnino cassa et omnis fructus vacua esse est iudicanda» (fol. 3). На полях написано: «Sermonis ornatum vitandum».

⁷⁷ «Quod tunc fieri constat, quando in animo auditoris nullum semen relinquit veritatis, ex quo auribus insonare destitit. Sensus namque aurium sepiissime fallit animum incautum..... Nam non absque congrua significationum similitudine sirenes leguntur vocis sue delectatione in certum mortis periculum traxisse» (fol. 3).

⁷⁸ «Nee illa philosophorum disputatio perniciose estimanda est... que rhetoricam artem fore perniciosam probat eiusque studio ideo supersedendum esse decrevit ab his sc. qui philosophice professionis esse volebant quod blandimento sue persuasionis falsum pro vero credi facit et verum ac si falsum esset detestabile habet..... Eius rei gratia Plato respondisse perhibetur eum (sc. Eschinem) a philosophica disciplina esse removendum, quia animum haberet proniorem ad verborum delectationem quam ad sententiarum veritatem..... Unde in ipsius platonis optisculis rarissime coloris exornationes inveniuntur, ne animus lectoris eis illectus a studio doctrine, quam comparare intendebat, revocaretur, sed tantum amore virtutis oecuparetur. Solet tamen tamen plato quam alii philosophice discipline doctores verborum exornationibus interdum traectatus colorum luminibus depingere, quatenus mens eis recreata avidior foret ad veritatis inquisitionem. Non enim ut aures demulceant, dietamina sua exornationum coloribus philosophi distinguunt, sed ut ad sententiarum intelligentiam animum alacriorem reddant. Quod tamen ab eis rarissime vel numquam factum invenitur qui omnium iudicio in artium doctrina et veritate et subtilitate preclarissimi sunt habendi. Unde quidam ex eis, qui in sententiarum subtilitate fere omnibus prefertur, non immerito nominum et verborum turbator est appellatus, qui traectatus suos amari voluit non pro inani verborum suavitate, sed pro fructuosa sententiarum virtute» (fol. 3 and 4).

шению к *intelligentia sententiarum*. Одного из философов, предающихся наиболее проницательным размышлениям, по праву называют презрителем фразовой словесности.

Роберт фон Мелун доказывает, что в богословии нет места эвфемизму, резко подчеркивая контраст между риторикой и литературными особенностями писаний Ветхого и Нового Заветов. Тот, кто представляет себе, как мыслительные процессы священных книг облакаются в языковые одежды, обнаружит в Ветхом Завете, от начала и до конца, языковую форму, мало отличающуюся от обычной манеры речи. Агиографы писали не от духа мира сего, а под руководством Святого Духа, который не только открыл им понимание тайн, но и дал им слова, которыми они выразили эти понимания. Языковая форма Ветхого Завета настолько понятна и адаптирована к повседневному употреблению, что слепота иудеев в их отрицании Христа очевидна уже из этого. Если ветхозаветная литература больше похожа на молоко для младенцев, то писания Нового Завета, содержащие глубокие и сложные тайны, представляют собой более энергичную духовную пищу, соответствующую мужественности христианской эпохи. Тем не менее, языковая одежда Нового Завета также проста и понятна, именно для того, чтобы мы могли познаться в эти тайны.

Те современные богословы, которые стремятся быть мудрыми с помощью изящного красноречия и привлекательными с помощью изысканной и витиеватой речи, расходятся с тем, как представлен Новый Завет, особенно с Павлом, который не полагается на убедительную силу человеческой мудрости и доверяет ей.⁷⁹

Роберт фон Мелун также дает принципиальное обоснование тому, что Писание и богословие избегают риторических украшений.

То, что поддельно, при ясном свете проявляет себя в полном ничтожестве, тогда как то, что подлинно и истинно, предстает тем более драгоценным в яркости света. То, что не красиво само по себе, пытается нарядить себя искусственными украшениями. Истина не нуждается в посторонних, выпрошенных украшениях, она уже прекрасна и желанна по своей сути. И когда истина использует что-то чужое, то это чужое становится прекрасным благодаря близости к истине, если оно не было прекрасным раньше, или усиливает уже существующую красоту⁸⁰.

Здесь Роберт фон Мелун также затрагивает тему взаимоотношений между теологией и профанными науками, либеральными искусстваами.

Если теология использует их для решения своей задачи, то они являются не украшением, а инструментом божественной науки.

⁷⁹ «Sacre vero scripture auctores ab huius stili lege multum recessisse nullus negabit, qui in scripturis quod utile est consequi studebit, i. e. sententiarum doctrinam et verborum prolationem. Nam a veteris testamenti exordio inchoantes ipsum totum usque ad finem perlegendo sermonem purum et a communis consuetudinis locutione parum distantem inveniemus. Non enim veteris testamenti auctores per spiritum huius mundi locuti sunt, sed spiritu sancto docente, qui sicut eius arcanorum intelligent! am reveJavit ita et verba quibus eam indicarent dictavit..... Iudei ergo, qui quasi parvuli erant et sensu imperfecti, lacte, parvulorum alimonia, nutriebantur; christiani vero solidiores cibi refectioe egentes, velut virilis etatis robur habentes, profunda rerum significatione pascuntur, in qua docenda et addiscenda, quia labor difficillimus est at maximus fructus saluberrime provisum est, ut littere labore, que omni ut dictum est difficultate caret, absque impedimento littere ex toto vacare queant. Huic vero regule docendi... quantum huius temporis doctores sacre scripture adversentur, ipsa experientia indubitanter demonstrat. Nam fere omnium huius temporis doctorum singulare Studium est, ut in verbis quadam subtilitate sapientie sint sapientes et quadara concinnitatis ornatu delectabiles..... Ecce vas electionis testimonio proprii exempli indubitanter demonstrat, quantum doctrine fidei humane sapientie persuasibilia verba sunt contraria. Eius ergo testimonio probare possumus illos a doctrina fidei exorbitare eique contrarios fore, quia in ipsa docenda ornatum secularis sapientie studiosius observare laborant quam veritatem, qua mentes illuminari necesse est, eo modo exponant, quo vere intelligi possit* (fol. 4 u. 4).

⁸⁰ «Nam quantum simulata sub lucis claritate deprensa vilescent, tanto ea que vera sunt in lucem producta pretiosiora habentur..... Hinc est illud consuetudinis plus quam necessarium esset communis, quod ea, que naturali carent pulchritudine, studio diligentiori ornantur, ut quod ex se non possunt sc. placere sub alieno ornantur decore. Veritas vero quemadmodum intrinseco non indiget ornamento, ut ex ipso pulchra et pulchrior appareat, ita ab eius doctrina omnis extrinseca ornatio est aliena. Est enim ex se expetibilis, ne quicquam extrinsecus assumere valeat, quo assumpto magis expetenda videatur. Verum si quid extrinsecum in eius aliquo nexu transgerit participatione necesse erit aut ipsum pulchrum fieri, si primo nullam habuerit pulchritudinem, aut primo habitam multum intendi» (fol. 4).

Свободные искусства должны видеть в Божественном Писании свою единственную гос-пожу и хозяина и покорно служить ей.

Они связаны законами теологии и, следовательно, если они не соблюдают эти законы, то они либо пагубны, либо бесполезны.⁸¹ Подчиненное отношение профанной науки к теологии, идея, что философия – это *ancilla theologiae*, выражена здесь в определенной и резкой форме, которую мы встречали у Петра Дамиани накануне схоластики⁸².

В контексте своей защиты риторики Роберт Мелунский также выступает против вкрапления греческих слов в латинский богословский язык. Такая мешанина из латыни и греческого – результат тщеславного жеманства и стремления похвастаться мнимым знанием греческого. Греческие термины следует использовать только в случае крайней необходимости или когда очевидна конкретная польза⁸³.

Для историографии схоластического метода особенно важны замечания в «Прологе» Роберта фон Мелуна, посвященные происхождению «Сентенций».

Доктрина веры, как он представляет этот отрывок, трактовалась святыми отцами по-разному. Чем полнее и в то же время яснее изложение доктрины веры, тем больше оно подходит для обучения тех, кто менее способен ее понять. Слабость человеческого ума, затрудняющая или полностью препятствующая пониманию Священного Писания, бывает разной. Некоторые не могут долго читать, они мало читают и поэтому мало знают.

У других слабая память, и поэтому они упускают плоды чтения, т. е. более глубокое понимание. Другим мешает глубже проникнуть в истину слабость рассудочных способностей. Для всех этих людей предназначены те богословские трактаты, которые носят название «Сентенции». В «Сентенциях» в сжатой и ясной форме излагается обширный компендиум идей Отцов⁸⁴.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что толчком к созданию «Сентенций» послужили труды самих Отцов.

С богословской точки зрения было справедливо отмечено, что патристическая литература содержит множество сомнительных, сомнительных и явно противоречивых афоризмов, которые не только дают врагам веры желаемый материал, но и часто грозят осложнить работу защитника веры. Однако в определенном смысле развитие патристики свидетельствует и о провиденциальной пользе ереси. Ведь именно ереси привели к очень конкретным и четко определенным высказываниям Отцов по вопросам веры. Так, арианские споры привели к очень краткой формулировке догмата о Троице⁸⁵.

⁸¹ «Non tamen ipse artes eius sunt ornamentum, sed instrumentum, quod tunc solum aliquid inde decoris habet, cum ipsa divine scripture doctrina per illud aliquid operatur. Eam quippe solum artes liberales habent dominam, ei subiectionis debito famulantur, eius lege astringuntur. quam quando transgrediuntur aut perniciose aut cum nulla utilitate operantur» (fol. 4).

⁸² Ср. Grabmann, *Geschichte der scholastischen Methode* I 232 f; J. A. Endres рассматривает этот вопрос совсем недавно в работе: «Petrus Damiani und die weltliche Wissenschaft», Münster 1910, 20.

⁸³ «Hoc licet semper culpabile sit, videlicet, doctrinam fidei catholice inani pnerorum concinnitate prostitui, illud tamen multo culpabilius est, quod nunc plerique crebrius colunt ac festivius exornant, qui greculum sermonem locutioni latine... interserunt totum ex parte ornare cupientes et forsitan greci sermonis peritiam censi habere efflagitantes, quod in eis in contrarium cessisse nullus ignorat qui intelligit hoc nee factum esse nee faciendum fore nisi necessitate cogente aut utilitate expetente..... Hic ergo modus docendi, qui in confusa greci sermonis et latini mixtura consistit, aures pascit et sono delectat, sed ad animum non penetrat, ut ipsum fide informet» (fol. 5 u. 5).

⁸⁴ «Huius vero fidei doctrina varie multipliciterque a sanctis doctoribus traditur, que quanto compendiosiore evidentiam habet, tanto ad eruditionem minus capacium idoneior est. Est namque humane nature languor varius et multiplex, quo ab intelligentia celeberrime sacre scripture revocatur atque penitus repellitur. Quidam enim sunt, qui lectionis laborem diu ferre non valent et ideo ut pauca legunt pauca sciunt; alii vero sunt, qui licet lectionis multitudine non vincantur, labilis tamen memorie incommodo lectionis fructu privantur i. intelligentia. Sunt et nonnulli, qui neutro predictorum malorum ab intelligentia sacre scripture prepediuntur, sed sola ingenii tarditate ne ad eam penetrent retrahuntur. His vero omnibus in illis sacre scripture tractatibus precipue consultum invenio, qui sententie nomine inscribuntur, quoniam in eis est paritas verborum apta et sententiarum compendiosa fecunditas non obscure, sed evidenter expressa» (fol. 5).

⁸⁵ «Qua necessitate vero scribendi libros sententiarum inoleverit et qualiter in dubiis sanctorum patrum scriptis intellectum nostrum

Отцы, как правило, не защищали то, что не оспаривалось. Иногда они все же затрагивали вопросы, которые не оспаривались в различных контекстах. Однако, поскольку эти случайные замечания еще не могли относиться к реальным проблемам, такие высказывания отцов сами по себе не являются достаточными для отвержения позднейших заблуждений⁸⁶.

Таким образом, в трудах Отцов есть много такого, что вполне хорошо сказано на своем месте, но что, будучи вырванным из контекста друзьями заблуждения, дает совершенно иной смысл, чем предполагал автор. Отцы, которые, будучи простыми людьми, не могли предвидеть всех будущих ошибок, записали много вещей, которые имели в виду и сказали вполне хорошо, но были выражены несколько неясно и по этой самой причине могли дать лжеучителям зацепки для ошибок и споров. Специалист по святому Августину знает, как изречения этого отца церкви стали предметом неправильного толкования и злоупотреблений. В книгах, написанных Августином до появления пелагианской ереси, есть много отрывков, на которые эта секта ссылалась в защиту заблуждения и на основании которых она утверждала этого глубоко католического мыслителя за собой. В результате святой Августин был вынужден опубликовать несколько трудов против этой ереси, а также исправить более ранние высказывания, чтобы они не были злонамеренно неверно истолкованы. Взгляд на его «Опровержения» и другие труды ясно говорит нам об этом. Цитатами Августина злоупотребляли и в учении о таинствах. Нет ни одного места, как бы хорошо оно ни было сказано, которое не исказил бы учитель заблуждения. В своем «Enarratio» на Пс 98 Августин говорит о Христе: «Он принял плоть, ходил во плоти и дал нам Свою плоть в пищу для спасения». Сразу после этого Августин вкладывает в уста Христа следующие слова: «Ты не будешь есть это тело, которое ты видишь, и не будешь пить эту кровь, которая будет пролита на кресте». Это звучит очень противоречиво.

Благоразумный читатель, который читает и оценивает патристические тексты с той же благожелательной объективностью, с какой светские люди читают профанные тексты, не станет сразу осуждать столь сомнительное и кажущееся сомнительным патристическое предложение, а внимательно изучит столь сложный отрывок, взвесит его со всех сторон и примет во внимание внешние обстоятельства, которые были решающими при составлении данного письма.

Если же это исследование не приведет к определенному результату, спокойный читатель скорее признает свое невежество и неспособность понять текст, чем без лишних слов обвинит автора в ошибке. Если вернуться к вышеупомянутому противоречию у Августина, то эти тексты вполне можно согласовать, поскольку в первом отрывке речь идет о реальности Тела и Крови Господа, а во втором – о материальном, чувственном облике Тела и Крови. Как признает каждый знаток патристики, святой Иероним, как и святой Августин, боролся с оригенистами и пелагианами, а также с другими отцами в борьбе с другими ересями. Святой Роберт Мелунский говорил о натиске ереси на Церковь с теплым католическим чувством веры: На протяжении веков ереси боролись с Церковью, построенной на скале. Но эта скалистая крепость остается непоколебимо твердой, в то время как сталкивающиеся с ней ереси разбиваются вдребезги, как глиняные сосуды.⁸⁷

formare debeamus quidam videtur innuere sic dicens: Iam postquam ex confragosis locis hueusque evasimus, considerare libet attentius, cur semper hac re in sanctorum patrum tractatibus reperiuntur tam dubie tam scrupulose sententie et que sibi invicem nonnumquam contrarie videntur, ut non solum qui contendendi intentiones suas congregant materiam in eis inveniant errandi, sed et qui ex eis astruere velint fidem catholicam non facile se queant expedire. Oportet, inquit apostolus, hereses esse, ut qui probati sunt manifesti fiant. Quod in hoc evidentissime probatur. Iam enim obscurissimam de trinitate sententiam claram omnibus eifecerunt Arianorum contentiones et disputationes subtilissime» (fol 5). На полях написано: «Cur libri sententiarum fiant».

⁸⁶ «Sancti patres quod non impugnabatur non defendebant, nisi quod aliquando in tractatibus suis hoc inde proferebant, quod res postulabat, que habebatur in manibus. Quod quia questionibus non respondebat que nondum erant parum modo sufficere videtur ad eas cum exurgunt compescendas» (fol. 6).

⁸⁷ «Plurima de sacramentis in scriptis suis reliquerunt (sc. S. Patres), que suo loco bene dicta, ab eis qui contendere vel errare amant eruta de locis suis per se videntur aliud sonare, quam sonant unde assumpta sunt et quam senserit qui scripsit. Sed et multa de eadem re ab eis relicta sunt, que bene dicta obscurius utpote ab eis qui ut homines venturas omnes errorum calumnias non poterant providere,

Тот, кто хочет найти свой путь через трудности, указанные при изучении Отцов, должен избрать простоту и простодушие веры в качестве первого руководства для своего мышления.

Отцы выражали ее повсюду, иногда несколько туманно, иногда более ясно. Если теперь мы обнаружим, что изречения и мысли Отцов совпадают в единомыслии веры, мы должны радоваться в утешительном убеждении, что нашли истину. Но когда мы осознаем, что наши собственные мнения и позиции не укладываются в рамки, очерченные верой, тогда мы уже не можем сомневаться в том, что ходим по путям заблуждения. Поскольку Дух истины наставлял нас через апостолов и апостольских мужей, наши рассуждения должны быть испытаны жезлом веры, и, в соответствии с наставлением апостола, мы должны исключить всякое высокомерие перед лицом Божественной истины и принести нашу силу рассуждения на служение Христу. Когда читатель встречается в трудах Отцов отрывки, где упоминается тело Христа, троекратное разделение тела Христа на жертвенное тело на кресте и на мессе, на тело Христа в причастии и на Церковь как мистическое тело Господа даст ему ценные подсказки для правильного объяснения соответствующего отрывка из Отцов.⁸⁸

Этим Роберт Мелунский завершает свой экскурс о причинах появления литературы афоризмов. Необходимость такого обобщения и ясного изложения мыслей Отцов обусловлена, во-первых, огромным объемом патристического материала, для освоения которого интеллектуальных способностей среднего богослова недостаточно, а во-вторых, множеством трудных, неясных, кажущихся противоречивыми текстов патристической литературы, требующих разъяснения. Некоторые высказывания нашего схоласта напоминают фразы из пролога к «*Sie et non*» Абельяра или предисловия к сочинению афоризмов Ломбарда. В суждениях Роберта Мелунского о патристике можно заметить определенную независимость. Его замечания о влиянии еретических антагонизмов на формулирование догматов, особенно замечания об Августине, обнаруживают намек на догматико-исторический подход. Роберт фон Мелун не отдает дань механической концепции *auctoritas*; он не придает безусловной доказательной силы вырванным из контекста цитатам из Отцов как таковым, но также учитывает контекст и другие внутренние и внешние аспекты текстов Отцов. Животворящий дух, одушевлявший

mala intellecta materiam errandi vel contendendi perditis videntur prestare. Quod beato Augustino in multis accidisse non ignorat qui librorum eius lectionem familiarem habet. Antequam enim pelagiana heresis exurgeret, in libris quos iam ediderat non pauca posuerat, quae exurgens illa heresis sic cepit ad patrocinium sui erroris, ut et paria secum sentire iactaret virum per omnia catholicum. Unde illi necessitas importata est plures postea libros contra pestem illam edere et confiteri crebro bene dicta sua ad devitandum tamen pravum legentium intellectum aliter quam dixerat dixisse se debuisse, quod scire potest qui libros retractationum legerit aliosque quos ille conscripsit. Quin etiam super hac re de sacramentis predicto viro simile videtur accidisse. Sed qui errare vult vel errorem docere, nihil tam bene dictum, quod non possit malo intellectu depravare. Nam ut alia omittam, quis credere possit virum eruditissimum edidisse in scriptis suis, quod ignarus quilibet si scripsisset prima facie respuendum non dubitaret. Quid enim magis ignarum quam uno in loco contraria sibi edere? Nam cum psalmum tractaret XCIII, de carne inquit marie: carnem assumpsit et in ipsa carne ambulavit et ipsam carnem nobis manducandam ad salutem dedit. Statimque post pauca: non hoc corpus quod videtis manducaturi estis nee bibaturi illum sanguinem quem effusuri sunt qui me cruefigent. Quid magis contrarium? Sed prudens lector et qui benevolentia ea ecclesiastica legit, quae a secularibus secularia leguntur... si librum ecclesiastici doctoris legit, si quid in eo quasi dubium et scrupulosum invenit, non statim illud exsecrando (?) invadit, sed inspicit et discutit... et ad ultimum prius eligit confiteri se ignorare vel non intelligere quam illi erroris notam impingere. Sic autem illud Augustini intelligendum est, quod et ipsum est corpus et non ipsum. Ipsum quidem est materiali essentia, non ipsum visibili forma..... Que singule (sc. hereses) suo tempore impugnauerunt petram supra petram edificatam et quae in soliditate sua permanente petra collide in illam ut lutea vasa sunt et fraeta» (fol. 6).

⁸⁸ «*Quisquis ergo in sanctorum patrum tractatibus se exercens in his et in similibus inoffenso vult pede incedere, primas sibi intellectus lineas de huiusmodi fidei ponat simplicitatem. Quam cum catholicos patres modo obscurius modo apertius in omnibus constet predicare, cum in fidei convenientiam eorum viderit concurrere sententias gaudeat de inventione veritatis..... Porro opinionum suarum rationes ..., si exitus earum prescriptas fidei lineas inveniuntur vel non implere vel excedere, plenas esse non dubitet erroris quas veritati constiterit non convenire. Cum enim per apostolos et apostolicos viros omnem veritatem iam olim nos docuerit spiritus veritatis, ... ad examen fidei corrigende sunt rationes et secundum apostolicum praeceptum destituenda est omnis altitudo extollens se adversus sententiam Dei et in captivitatem redigendus omnis intellectus in obsequium Christi. Ubicumque ergo prudens lector aliquid invenerit de carne vel corpore Iesu, recurat ad illam triplicem distinctionem carnis vel corporis, quam supra non presumptione mea adveni, nee meo sensu formavi, sed protuli ex patrum sententiis, et videat et discernat secundum quem modum ibi agatur..... Aliter enim cogitanda est caro illa vel corpus, quod pendit in ligno et sacrificatur in altari, aliter caro et corpus, quod qui manducaverit habet vitam in se manentem, aliter caro vel corpus eius, quod est ecclesia» (fol. 6).*

Отцов, должен перетекать и в произведения Сентенций. Идеал «Сентенций», предусмотренный нашей схоластикой, – это не просто внешняя систематизация традиционных слов Отцов, но органичное, глубоко проникновенное развитие идей Отцов в единую богословскую систему, опирающуюся на надежный фундамент церковной веры.

ПЯТАЯ ГЛАВА. ПЕТР ЛОМБАРД

§1. ОЦЕНКА ПЕТРА ЛОМБАРДА И ЕГО «LIBRI QUATTUOR SENTENTIARUM»

Подробное рассмотрение и оценка трудов Петра Ломбарда⁸⁹ (профессора Парижской кафедральной школы примерно с 1140 года, епископа Парижского 1159—1160, † 1164) будет необходимо для изложения истории схоластического метода по той простой причине, что «Magister sententiarum» часто описывается как основатель схоластической теологии, а его труды по sententiae – как триумф схоластического метода. Мы встречаем эту точку зрения у Мабильона, Генера⁹⁰, Симлера⁹¹ и Эспенбергера⁹². По мнению Фр. Луфса⁹³, Сентенции Петра Ломбардского были победой схоластического метода, и комментарии схоластов XIII века и более позднего времени к этим Сентенциям свидетельствуют об этой победе.

Даже если обозначение лангобарда как основателя схоластического богословия слишком преувеличено, учитывая Ансельма Кентерберийского, отца схоластики, и богословские работы первой половины XII века, поразительное влияние, которое афоризмы нашего схоласта оказывали на протяжении веков как «богословский фундаментальный труд Средневековья», прокомментированный бесчисленное количество раз, все же заставляет нас проанализировать метод, которого он придерживался. Тогда можно будет ответить на вопрос, обусловили ли методологические достоинства и особенности это влияние. В связи с этим также станет ясно, оказал ли и в какой степени «Magister sententiarum» методологическое влияние на последующую схоластику.

Последней причиной для более детального изучения Петра Ломбардского являются различные, порой диаметрально противоположные суждения и оценки его «Сентенций» более поздними авторами. По мнению одних, это произведение – лучшая из диалектико-теологических сумм XII века, очень удачное достижение в целом, действительно превосходный учебник для своего времени. Согласно другой точке зрения, «Сентенции» – это работа, которая была понятна, уравнивала противоречия, но не углублялась в них. Одни видят в этом произведении печать свободы, которая с тех пор была утрачена, другие считают «Сентенции» Ломбарда «подлинно католическим, схоластическим богословием без собственного мышления».⁹⁴

⁸⁹ О нем и его трудах см. Morgott в Wetzera. Weites Kirchenlexikon IX 1916—1923; R. Seeberg в Herzogs Real-Enzyklopädie XI 630—642; Protois, Pierre Lombard, Paris 1880; Kögel, Petrus Lombardus in seiner Stellung zur Philosophie des Mittelalters, Greifswald-1897; J. N. Espenberger, Die Philosophie des Petrus Lombardus, Münster 1901; O. Baltzer, Die Sentenzen des Petrus Lombardus, ihre Quellen und ihre dogmengeschichtliche Bedeutung, Leipzig 1902; H. Denifle in Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters I 610 ff; J. de Ghellinck, Le traité de Pierre Lombard sur les sept ordres ecclésiastiques. Ses sources, ses copistes. Extrait de la Revue d'histoire ecclésiastique X – XI, Louvain 1910.

⁹⁰ Scholastica vindicata, Genuae 1766, 162: «Hic (sc. Petrus Lombardus) primus Theologiae Scholasticae conditor.»

⁹¹ Des Sommes de théologie, Paris 1871, 94: «Pierre Lombard a définitivement assuré le triomphe de la théologie scolastique.»

⁹² A. I. с. 32: «Поэтому Петра можно с полным основанием назвать основателем строго схоластического метода, получившего распространение в XIII веке, поскольку он в основном способствовал его триумфу».

⁹³ Leitfaden zum Studium der Dogmengeschichte 4 (1906) 499.

⁹⁴ «Лучшая из этих диалектико-теологических сумм, Sentenzenwerk Петра Ломбарда, была возведена в ранг основной книги теологических лекций в Парижском университете вместе с текстом Писания и наряду с ним» (H. Felder, Studien im Franziskanerorden, Freiburg i. Br. 1904, 513). – «Quattuor libri sententiarum, труд, который в целом был очень удачным достижением и как таковой удовлетворял богословов не только в свое время, но и в течение многих веков после него, настолько, что использовался почти исключительно как учебник для преподавания» (J. Kuhn, Katholische Dogmatik I, Tübingen 1846, 258). – «Это был действительно превосходный учебник для своего времени» (Р. Зееберг в «Энциклопедии Херцога» XI 633). Сибег также цитирует там же 641 хвалебное высказывание Лютера об афоризмах Ломбарда. – «Его (Ломбарда) труд, который был понятен, уравнивал контрасты, но не углублялся, стал и оставался на протяжении веков главной основой преподавания теологии в школах» (Überweg Heinze, Grundriß der Geschichte der Philosophie II 9 211). – «Однако на этом труде лежит печать

Разрешить эти противоречия можно только путем исторического изучения и оценки методов научной работы «*Magister sententiarum*».

В последующих объяснениях нам, по понятным причинам, придется сосредоточиться прежде всего на главном труде нашего схоласта – его «Сентенциях». Однако его экзегетические труды, прежде всего комментарии к Паулинам, также сыграли значительную роль в развитии средневекового богословия, особенно в объяснении Библии. Это подтверждается их широким распространением в рукописях. Они рассматривались схоластами как фактическая глосса на Паулины. Даже в комментарии Петра из Корбейля (†1222) glossa к Паулинам относится к глоссе Ломбарда, а не к глоссе Валафрида Страбона. Денифле⁹⁵ впервые обратил внимание на то, «что вскоре после того, как „Сентенции“ Ломбарда начали комментировать, был принят ломбардский комментарий к „Паулинам“, то есть что Петр Ломбард «стал не менее авторитетным толкователем „Паулинов“ в Парижском университете, чем „Сентенции“ в систематической теологии». Для истории схоластического метода объяснения Писания Ломбарда представляют интерес потому, что в них периодически встречаются методологические принципы и потому, что патристические материалы, собранные для экзегетических трудов, также пошли на пользу систематическим афоризмам.

О том, как высоко ценились «Сентенции» Петра Ломбардского в схоластике, говорит и их рукописная передача. Копии «Сентенций» чрезвычайно многочисленны в XII веке и еще более многочисленны в XIII и последующих веках⁹⁶.

После изобретения печатного искусства «Ломбард» печатался рано и часто.

Оригинальная рукопись «Сентенций», которую Стивен Лэнгтон в своем завещании передал церкви Нотр-Дам в Париже, была утеряна. Ее уже не найти среди латинских рукописей Нотр-Дама, которые до сих пор хранятся в Парижской национальной библиотеке. Ж. де Геллинк⁹⁷ считает Cod. 960 из библиотеки Труа самой древней рукописью «Сентенций», дошедшей до нас. Она происходит из Клерво и содержит примечание на листе 220: «Anno Domini MCLVIII conscriptus est iste liber».

Большое внимание уделялось оформлению рукописей Сентенций. Мы располагаем рядом великолепно написанных и иллюминированных кодексов этого произведения. Cod. 445 в парижской Арсенальной библиотеке – это чудесный кодекс с маргинальными примечаниями «*Libri sententiarum magistri Petri Lombardi*» XII века.

Мюнхенская придворная и государственная библиотека владеет великолепной рукописью «*Magister sententiarum*» в Clm 18109 (из Терернзее), также относящейся к XII веку. В верхней части рукописи, украшенной чудесными инициалами, находится обзор глав. Само произведение начинается на листе 14: «*Incipit liber primus sententiarum Petri Novariensis*». Источники лангобарда отмечены красным шрифтом на широких полях отдельных листов.

свободы, которая с тех пор была утрачена, так как в нем часто сталкиваются мнения с мнениями из-за колебаний патристической традиции» (Harnack, *Lehrbuch der Dogmengeschichte* III 374). – «Соответствующим богословским трудом является „*Libri quattuor sententiarum*“ Петра Ломбарда. Это истинно католическое, схоластическое богословие: никакого собственного мышления – опасность которого только что проиллюстрировал Абеляр – размышление над мыслями Отцов и примирение их противоречий, которые только что ярко высветил „*Sic et non*“ Абеляра» (P. Wernle, *Einführung in das theologische Studium*, Tübingen 1908, 228).

⁹⁵ Die abendländischen Schriftausleger etc. 94 f.

⁹⁶ В Парижской национальной библиотеке хранятся целые группы рукописей Сентенций Петра Ломбардского, например, Codd. lat. 15 701—15 728, 16 374—16 378, 17 464—17 466. В муниципальной библиотеке Реймса имеются копии Сентенций в Codd. lat. 460—464. Многочисленные рукописи «*Libri quattuor sententiarum*» хранятся также в Королевской библиотеке Бамберга (Codd. 118—125) и др. Интересен Cod. 233 из библиотеки Брюгге. В своем Каталоге манускриптов Публичной библиотеки Брюгге (Bruges 1859, 214 f) Лау де называет схоластическое сочинение, содержащееся в этой рукописи, *Sententie magistri petri longi* и замечает: «On ne trouve le nom de Petrus Longus ni dans l'histoire littéraire de la France, ni dans Oudin, ni dans Cave.» При ближайшем рассмотрении, однако, этот не поддающийся описанию Петрус Лонгус оказывается Петрусом Лонгобардусом. Это копия «Сентенций» Ломбарда, которая имеет дефект в начале. Имя * Petri Long» на переднем форзаце следует читать не как Petrus Longus, а как Petrus Longobardus.

⁹⁷ Le traite de Pierre Lombard etc. 17 A. 2.

Помимо имени, например, Августина, имеется также красная вертикальная линия, которая простирается до самой цитаты. Таким образом, мы наглядно сталкиваемся с компилятивным методом работы Ломбарда.

Появляются и другие ориентирующие маргинальные пометки, например *responsio*, *similitudo*, *divisio haec notanda est* и т. д. Великолепно иллюминированный лангобардский манускрипт XII века – Лауд называет его «*süperbe manuscrit*»⁹⁸ – это Cod. 184 в городской библиотеке Брюгге. Кодекс украшен красочными инициалами, некоторые из которых украшены арабесками и выделяются на золотом фоне. Прекрасно написанный кодекс предложений XIII века – Cod. 120 Q. VI 53 (лл. 3—158) в Бамбергской библиотеке⁹⁹. В начале каждой из четырех книг имеется нарисованный инициал. На листе 3 изображен пишущий автор, на листе 4 – церковь и синагога, на листе 88 – рождение Христа в инициале С, а на листе 117 – притча о добром самаритянине в соответствии с вводной мыслью к четвертой книге. Прекрасно написанными кодексами предложений XIII века являются также С 272 Inf. в Амброзианской библиотеке в Милане и Cod. а X 1 в библиотеке аббатства Святого Петра в Зальцбурге, последний с великолепными инициалами на золотом и серебряном фоне. Прекрасные инициалы, первый из которых являет нам образ «*Magister sententiarum*», также можно найти в рукописи XIII века Plut. XXV Cod. I в Медико-лаурентийской библиотеке во Флоренции. В Plut. XXX Cod. I из той же библиотеки (см. XIII), следующий дистих писца выражает уважение к книге «Сентенций»:

«*In numero cleri quisquis probus optat haberi, Est opus, ut scriptis iugiter meditetur in istis*».

Это очевидное предпочтение и почитание Ломбарда в количестве и оформлении рукописи «Сентенций» сопровождается похвалой, которой прославлено его главное произведение в средневековой литературе. В своей хронике Альберих из Труа-Фонтена говорит о *liber sententiarum* как об «*opus excellentissimum*».¹⁰⁰ Во вступлениях к своим комментариям на книгу Сентенций поздние схоласты восхваляли ее автора. Безымянный автор комментария к Сентенциям в Clm 9652 дает следующее суждение о Сентенциях на листе 86: «*Materia huius operis est summa totius theologicæ pagine pro capacitate... ingenii breviter hic perstrieta. Intentio eius est fidem rationibus, auctoritatibus necnon argumentis roborare, hereses precipere, in omnibus sequaces instruere. Utilitas autem in duobus consistit: veritatis assertione et falsitatis propulsione*».

Ричард из Медиавиллы утверждает: «*Rationes enim Magistri stellis comparantur, quoniam instar stellarum sunt altae, subtiles, clarae et indissolubiles*».¹⁰¹ Францисканский теолог Иоганн де Рипа вводит свой ненапечатанный «Комментарий к сентенциям» самой пышной похвалой «*Magister sententiarum*»: «*Magister petrus lombardus.. doctrine catholice indagator pre similibus... veluti sol divinus montes inflatos humanorum ingeniorum exurens*» (Cod. Scaff. X. N. 190 из Антониевой библиотеки в Падуе, fol. 1).

Дионисий Карпузианский поместил восторженное «*Praeconium libri sententiarum*» во главе своего комментария к Сентенциям¹⁰².

§2 СИСТЕМАТИЗАЦИЯ «СЕНТЕНЦИЙ» ПЕТРА ЛОМБАРДА

Рассмотрение и изучение «Сентенций» Ломбарда¹⁰³ как богословской системы должно сосредоточиться на структуре этого произведения с учетом его светлых и темных сторон, воз-

⁹⁸ Catalogue des manuscrits de Bruges etc. 173.

⁹⁹ Cp. Fr. Leitschuh и H. Fischer, Katalog der Handschriften der kgl. Bibliothek Bamberg I 507. Бамбергские Codd. 121, Q. VI 47 (см. XIII – XIV) и 122, Q. V 12 (см. XIII) также являются рукописями предложений с чистыми инициалами.

¹⁰⁰ M. G. SS. XXIII 843.

¹⁰¹ Sent. I, Prol.

¹⁰² Новое издание, т. IX 37 и далее.

¹⁰³ Пётр Ломбардский, он же Пётр Новарский, Пётр Ломбард, или просто Ломбард

можно, зафиксировать модели этого систематического труда и, наконец, осветить его влияние на богословскую систематику схоластики последующего периода.

Следуя Августину, Ломбард использует *res et signa* в качестве принципа разделения своего труда¹⁰⁴. Резоны снова делятся на *res, quibus fruendum est* (триединый Бог как *summa res*), и на *res, quibus utendum est* (мир и все сотворенные вещи в мире). Однако эта внешняя точка зрения на разделение не реализована решительно, особенно в отношении *signa*. В рекапитуляциях и переходах, которые призваны осветить контекст произведения, эта первоначальная причина деления, как правило, не применяется. Фома Аквинский описывал принцип разделения и единства Сентенций: Бог как *principium*, из которого исходят все сотворенные вещи, и как *finis*, к которому стремятся и ведут все сотворенные вещи¹⁰⁵.

Первая книга «Сентенций» посвящена учению о Боге, причем не делается различия между общим учением о Боге и учением о Троице¹⁰⁶. Учение о Боге в Его тринитарном существовании (d. 2—34) вводится трактатами о соответствующем учении об источниках веры (d. 2) и о познаваемости Троицы через тварные образы (d. 3). В изложении самого догмата о Троице сначала рассматриваются процессии в Троице, Сына (d. 4—9) и Святого Духа (d. 10—18), затем равенство, полнота и нераздельность трех божественных лиц (d. 19—21). Затем следуют разделы о тринитарной терминологии (d. 22—26, d. 30), о свойствах (d. 27—29, d. 33) и о присвоении (d. 31—32, d. 34). Оставшаяся часть первой книги (d. 35—48) отведена тем атрибутам Бога, которые подразумевают отношение Бога к миру: знание, вездесущность, провидение и предопределение (d. 35—41), власть (d. 42—44) и, наконец, воля Бога (d. 45—48). Вторая книга посвящена прежде всего возникновению тварей из Бога, учению о творении. На первом месте (d. 1—11) стоит учение об ангелах: учение о природе и наделении (d. 3—4), об испытании и падении ангелов (d. 5—7), о положении злых ангелов (d. 8) и о действенности добрых ангелов (d. 9—11). Затем следует учение о сотворении телесного мира, о гексамероне (d. 12—15) и о сотворении человека (d. 16—20), где уподобление Богу и изначальная одаренность последнего также дает повод к некоторым психологическим рассуждениям.

Учение о сотворении человека продолжается в трактатах о грехопадении первых родителей (d. 21—23), о благодати и свободной воле (d. 24—29) и о первородном грехе (d. 30—33). Книга завершается подробным изложением догматического учения о первородном грехе (d. 34—44). Третья и четвертая книги посвящены возвращению вещей к Богу, *reditus in finem*. Два основных раздела третьей книги – учение о воплощении и учение о добродетелях и доблестях, которые являются плодами воплощения Христа. В учении о воплощении (d. 1—22) сначала рассматривается само воплощение в соответствии с его причинами и природой (d. 1—5), затем атрибуты Богочеловека (d. 6—16) и, наконец, спасительный акт Христа (d. 17—22).

Трактат о христианской добродетельной жизни, который следует за учением о Воплощении, освещает божественные (d. 23—32) и нравственные добродетели (d. 33), дары Святого Духа (d. 34—35), связь между добродетелями (d. 36) и законом Ветхого и Нового Заветов (d. 37—40). Четвертая книга посвящена учению о таинствах (d. 1—42) и эсхатологии (d. 43—50).

Из этого обзора содержания должно быть ясно, что Петр Ломбардский стремился создать богословскую систему, доктринальную структуру богословия, управляемую архитектурными законами. Его методическое чувство последовательности и организованности также проявляется во многих эпилогах, переходах, извинениях за сделанные отступления и т. д.¹⁰⁷ Критика, которую Мельхиор Кано обрушил на систематику «*Magister sententiarum*», безусловно, слиш-

¹⁰⁴ Sent. I, d. 1, c. 1—2; cp. S. August, *De doctrina christiana* I. 1, c. 2; Grabmann, *Geschichte der scholastischen Methode* I 134.

¹⁰⁵ In Sent. I, d. 2: *Divisio textus*.

¹⁰⁶ О структуре книги Сентенций см. Stöckl, *Geschichte der Philosophie des Mittelalters* II 393—411; Protois, Pierre Lombard 57—98; Scheeben, *Dogmatik* I 426 f.

¹⁰⁷ Sent. I, d. 87, c. 16; IT, d. 1, c. 11; II, d. 12, c. 1; II, d. 22, c. 1. Комментаторы, особенно Бонавентура и Фома Аквинский, указывают на внутренний контекст в Petrus Lombardus в «*Divisio textus*».

ком сурова. Согласно ей, кроме классификационного термина *distinctio*, в *sententiae* нет ничего отчетливого, ничего организованного и структурированного. Все произведение представляет собой скопление изречений без диспозиции и дидактических ориентиров. В частности, Кано критикует тот факт, что в учении о Боге на первом месте стоит доктрина Троицы, а учение о природе Бога отходит на второй план, что божественные атрибуты справедливости и милосердия обсуждаются в четвертой книге, добродетели – в третьей, а некоторые грехи – опять же в четвертой. По словам Кано, подобные несистематические перестановки встречаются у лангобардов бесчисленное количество раз, так что в работах схоластов, следовавших за ним, наблюдается большая путаница и беспорядок¹⁰⁸. Шеебен¹⁰⁹ считает эту «жалобу Мельхиора Кано на вавилонскую путаницу необоснованной».

Отсутствие принципа в разделении и беспорядок в реализации на самом деле не так уж велики». В качестве основной ошибки он критикует то, «что в учении о Боге учение о сущности Бога не подчеркивается и не ставится впереди и что сразу же рассматривается конкретное существование Бога, что, кроме того, учение о благодати обсуждается только в отношении первого человека и здесь только по случаю греха». В частности, Шибен критикует, «что особенно в Троице порядок не вырисовывается достаточно четко и не соблюдается строго». Р. Сибберг¹¹⁰ критикует добавление этических проблем в христологию.

Правильная и справедливая оценка систематики «Книги сентенций» становится возможной благодаря обращению к образцам и примерам, на которых лангобард учился излагать свои богословские вопросы. Часто утверждается, что сочинение Иоанна Дамаскина «*De fide orthodoxa*» оказало образцовое влияние на систематику «Книги сентенций». Так А. Эрхард¹¹¹: «Ломбард взял его (Иоанна Дамаскина) за образец для своих книг Сентенций». Р. Сибберг¹¹² также считает, что главный догматический труд греческого богослова оказал влияние на внешний строй «Сентенций» Ломбарда, и ссылается на параллели, особенно во второй книге, а также на организацию учения о таинствах и эсхатологии. Однако маловероятно, что сочинение «*De fide orthodoxa*» оказало какое-либо влияние на структуру книги Сентенций. Прежде всего, деление «*De fide orthodoxa*» на четыре книги не является оригинальным и не встречается в греческих рукописях; это более позднее деление, сделанное на Западе, которое, вероятно, было основано на четырех книгах «Книги сентенций» Петра Ломбардского. Однако даже если не принимать во внимание это деление на четыре книги, придется отрицать влияние Иоанна Дамаскина на организацию материала в *Petrus Lombardus*. Как впервые подчеркнул Ж. де Геллинк, Петр Ломбард использовал только главы 2—8 третьей книги «*De fide orthodoxa*» (согласно более позднему делению) в 27 цитатах из Дамаскина, найденных в первой и третьей книгах его Сентенций.

Кроме того, лангобард представил и процитировал труд Дамаскина не под названием «*De fide orthodoxa*», а под своеобразным названием «*De Trinitate*». На основании рукописных свидетельств Ж. де Геллинк¹¹³ приходит к выводу, что лангобард имел перед собой только семь глав упомянутого труда «*De fide orthodoxa*». Если это так, то, конечно, не может быть

¹⁰⁸ «Ceteri scholae auctores, perturbatione rationis atque ordinis multum oratione peccaverunt, Magistrum videlicet secuti, in cuius quattuor sententiarum libris multa quidem lectio sanctorum apparet, et pro tempore illo haud mediocriter sane eruditio. Sed praeter distinctionum vocabula, in quas libri illi divisi sunt, nihil distinctum fere videas, recteque et ordine distributum. Testimoniorum congeriem dicas potius quam dispositionem et rationem disciplinae. De trinitate prima est illi disputatio. Ita prius relata quam absoluta persequitur. Nam de iustitia et misericordia Dei in quarto sententiarum quasi praeteriens disputavit. De virtutibus in tertio. De vitiis quibusdam item in quarto. Innumera sunt eiusmodi confuse ab illo perturbateque tractata. Quamobrem scholasticis, qui huius vestigiis inhaeserunt, confusa etiam fere ac perturbata sunt omnia» (*Loci theologici* 1. 13, c. 3).

¹⁰⁹ Догматическое богословие I 427.

¹¹⁰ В «Реальной энциклопедии» Херцога XI3 636.

¹¹¹ В книге Крумбахера «*Geschichte der byzant. Literatur*2, Münster 1897, 70.

¹¹² А. а. 0.

¹¹³ Les oeuvres de Jean de Damas en occident au XIIe siecle, в *Revue des questions historiques* LXXXVIII 153 ff.

и речи о том, что Иоанн Дамаскин повлиял на систематизирующую деятельность «*Magister sententiarum*».

Ж. де Геллинка отмечает, что для создания собственной системы лангобарду потребовалось лишь использовать и объединить доступные ему схоластические систематические труды. Предыдущие десятилетия, ненапечатанные «Сентенции», сгруппированные вокруг Ансельма Лаонского и Вильгельма Шампо, более канонически и практически ориентированные «Сентенции» Альгера Льежского и других, догматические труды Абельяра и его школы, главный труд Гуго Сен-Викторского – все это внесло свой вклад в его систематическую работу: «*De sacramentis christianae fidei*», «*Summa sententiarum*», приписываемая Гуго Сен-Викторскому, «*Sententiae divinitatis*», происходящая из школы Жильбера де ла Порри, и др. и т. д. Петру Ломбарду не составило большого труда выделить из этих произведений определенные группы и организовать их с большей или меньшей самостоятельностью. Так, если выделить наиболее значительный из сборников Сентенций, связанных с Ансельмом Лаонским и Вильгельмом из Шампо, Сентенции, начинающиеся со слов «*Principium et causa omnium Deus*», представляют ход мысли доктрины творения (подчеркивая *unum principium* – творение ангелов и человека – падение человека и первородный грех) и ставят ряд вопросов, которые мы встречаем и во второй книге Сентенций Петра Ломбардского. В этих работах также можно найти такие группы мыслей, как вера, надежда и любовь, а также провидение и предопределение. Систематические достижения Абельяра также имели для Петра Ломбарда образцовое значение. В частности, «*Summa sententiarum*», в которой значительная часть ранних систематических работ, несомненно, оказала косвенное влияние на «*Magister sententiarum*», могла послужить Петру Ломбарду образцом для его систематизирующей работы во многих областях, особенно в учении о творении и таинствах, что очень очевидно, учитывая его большую зависимость от этого широко распространенного труда.

Главный труд Гуго «*De sacramentis christianae fidei*» мог бы также служить идеалом щедрой систематики для нашей схоластики. Но он не достиг этого идеала. Благодаря своему двойному делению на *opera conditionis et restaurationis* и благодаря великой единой точке зрения на личность и дело Христа, система Гуго имеет значительно лучшую структуру и представляет собой органическую концепцию и обработку идей Писания и Отцов вплоть до мельчайших деталей; Она несет в себе в большей степени очарование и силу личного, в то время как *Petrus Lombardus* не поднимается выше внешней классификации слов Писания и Отцов на длинных отрезках и не позволяет основным архитектурным законам своего труда проявиться достаточно решительно, даже в деталях, через постоянное стремление уравновесить противоречивые авторитеты.

С образцовым значением «Сентенций» Гандульфуса для формирования лангобардской системы, конечно, придется расстаться, поскольку, как будет показано ниже, хронологический приоритет догматического труда болонского канониста над книгой «Сентенций» парижского богослова может быть подвергнут сомнению и опровергнут по веским причинам.

Влияние «Сентенций» Петра Ломбардского на богословскую систематику всей последующей схоластики было весьма продолжительным и далеко идущим. В этом и третьем томе истории схоластического метода мы часто будем встречать явные следы этого влияния и последствия.

Вопросы Ломбарда повторяются в последующей литературе афоризмов, сумм и вопросов. Его схема категоризации была широко распространена. В своих собственных «Сентенциях» его ученик Петр из Пуатье несколько отклонился от контура книги «Сентенций» своего учителя, поскольку отделил общее учение о Боге и Троице, поставил учение о добродетели перед учением о Воплощении и объединил его с учением о благодати. Мы узнаем эту коррекцию систематики в афоризмах или суммах группы богословов, зависящих от Петра из Пуатье: *Magister Martinus*, *Petrus Capua*, *Martinus de Fugeriis*, *Simon of Tournai*, *Prepositinus* и т.д..

В своей «Summa aurea» Вильгельм Осерский снова придерживается лангобардской схемы классификации без этого устранения диспозиционных недостатков, но со значительной независимостью. Четыре части теологической суммы Александра фон Хайеса также соответствуют, по крайней мере в основных чертах, четырем книгам «Magister sententiarum».

Четыре части «Summa theologica» Альберта Магнуса, из которых были завершены только первые две, также должны быть смоделированы по структуре книги *sententiae*. В эпоху высокой схоластики только Фома Аквинский и Ульрих Страсбургский из числа суммистов фактически систематизировали богословско-философскую проблематику таким образом, чтобы на нее меньше влияла классификационная схема Петра Ломбардского¹¹⁴.

Литературный жанр теологических сборников или бревиолокии также систематически находится в сфере влияния Петра Ломбарда. Бревиолоквиум святого Бонавентуры придерживается классификации Петра Ломбарда и является доказательством того, что гениальная творческая сила и виртуозность синтеза способны выработать из относительно неадекватной модели. Бревиолоквиум францисканского богослова Герарда де Прато¹¹⁵ в одной рукописи имеет надпись «Breviloquium Fratris Gerardi de Prato super libros Sententiarum magistri Petri Lombardi», и вся его структура оправдывает эту надпись. Примерно такую же структуру имеет и «Compendium theologiae veritatis» Гуго фон Штрафибурга, а значит, и влияние ломбардской схемы категоризации. Первая книга этого широко распространенного «Компендиума» содержит общую доктрину о Боге и Троице и, таким образом, соответствует первой книге Сентенций, вторая

(учение о творении) и третья книга (учение о грехе) вместе касаются содержания второй книги Сентенций. Третья книга Сентенций частично соответствует деталям расположения четвертой (учение о воплощении) и пятой книги (учение о добродетели) «Компендиума», а шестая (учение о таинствах) и седьмая книга (эсхатология) обсуждают вопросы *quartus on sententiarum*.

§3 СХОЛАСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗЛОЖЕНИЯ ПЕТРУСА ЛОМБАРДА ВЛИЯНИЕ ГУГО СЕН-ВИКТОРСКОГО И ПЕТРА АБЕЛЯРА

Чтобы получить правильное и всестороннее представление об ученом методе «Magister sententiarum» и, в частности, ответить на вопрос, основал ли и в какой степени знаменитый парижский богослов и епископ схоластический метод или развил его, нам придется рассмотреть, какое место занимают разум и диалектика в «Книге сентенций» и, в частности, объяснить внешнюю технику, используемую в этом произведении. Внимательное наблюдение за методом Ломбарда в его подробных изложениях поможет нам правильно оценить его значение для развития схоластики и схоластического метода даже больше, чем анализ его систематики и рассмотрение его использования источников.

Схоластический метод изложения и преподавания Петра Ломбарда отразился в историографии философии по-разному, почти противоречиво. Одни считают Ломбарда против-

¹¹⁴ О структуре богословской суммы Ульриха Страсбургского см. M. Grabmann, Studien über Ulrich von Straßburg III, in Zeitschrift für kathol. Theologie 1905, 484—492.

¹¹⁵ Ср. II Breviloquium super libros sententiarum di frate Gherardo da Prato dell'ordine de' Minori pubblicato per la prima volta dal Padre Marcellino da Civezza, Prato 1882. Fr. Marcellino da Civezza имеет только две рукописи для своего издания, одну из Прато (Q. II 26, n. 11 Biblioteca Roncioniana, s. XIV) и одну из Ватиканской библиотеки: Cod. Vat. lat. 3159 (p. XV) (p. 62 ff). Здесь следует отметить, что Ватиканская библиотека также располагает двумя более древними анонимными рукописями этого произведения: Cod. Vat. lat. 5062, где на листе 24v в конце работы написано: «Explicit opusculum theologie bonum et breve»; затем Cod. В последней рукописи сочинение разделено на шесть книг: I. De deo uno et trino (10 глав); II. De rerum productione (32 главы); III. De incarnatione (5 глав); IV. De gratia et virtutibus (9 глав); V. De donis et virtutibus (9 глав); VI. De sacramentis et novissimis (18 глав).

ником диалектики, однозначно позитивным теологом наравне с Рабаном Мавром или Хинкмаром Реймским. Другие, напротив, видят в Петре Ломбардском скрытого рационалиста, который слишком доверял разуму и диалектике в вопросах веры и лишь осторожно высказывался из благоразумия¹¹⁶.

Такое разное впечатление, производимое богословским изложением «Книги сентенций», несомненно, объясняется еще и тем, что не все части произведения имеют одинаковый вид и характер.

Таким образом, более или менее тщательное изучение четвертой книги Сентенций, учения о таинствах, выявит преимущественно позитивную, компилятивную тенденцию, которая выражается в компиляции и изложении традиционного материала, в то время как более глубокое изучение некоторых частей учения о Троице и Воплощении обнаружит довольно высокую степень диалектической рутины и практики.

Наконец, такое различие во взглядах на богословско-литературный характер Сентенмайстера можно объяснить тем, что в нем сошлись научный образ мышления и работы викторианской школы и метод Абэлар и его школы¹¹⁷.

В самом деле, «Сентенценбух» демонстрирует двойное лицо: с одной стороны, верный подход викторианцев, руководствующихся этико-мистическими взглядами, неуклонно придерживающихся авторитетов и использующих диалектику в умеренной и сдержанной манере, а с другой – характерный для абэлардистского кружка способ поиска и разрешения трудностей, ведения полемики и критики. В сущности, разница между двумя школами заключается лишь в более сильном и одностороннем акценте на общих элементах. Посмотрим теперь, как в Petrus Lombardus развиваются и гармонично сочетаются оба нюанса метода ранней схоластики.

Дух викторианской школы проникает к нам уже в прологе к «Сентенциям», в котором сообщается о причине и цели их публикации. Францисканцы из Кваракки кратко изложили содержание этого пролога в следующих словах: «Amor catholicae veritatis et odium haereticae pravitatis Magistrum movent ad aggrediendum hoc opus». ¹¹⁸Как бедная вдова – так начинается пролог согласно евангельскому рассказу (Lk 21, 2 и далее) – бросила две копейки в сокровищницу Бога, так и он готов сделать вклад из своего бедного и скромного знания¹¹⁹.

Данте намекает на эту идею в прологе, когда просит святого Фому представиться лангобардам следующими словами:

«L» altro, ch' appresso adorna il nostro coro, Quel Pietro fu, ehe con la poverella Offerse a Santa Chiesa il suo tesoro.¹²⁰

Петрус Ломбардус продолжает описывать свою работу как чрезвычайно трудное дело, которое оказалось ему не по силам. Однако его колебания и нерешительность, вызванные осознанием отсутствия способностей, были преодолены рвением к Божьему делу. Воспламененный этим, он хочет защитить веру от заблуждений, хочет открыть глубины богословских изысканий, передать знание христианских тайн, насколько это в его силах. Таковы идеальные мотивы, побудившие нашего схоласта взяться за перо, чтобы написать свои «Сентенции».

¹¹⁶ Ср. по поводу этого обвинения в рационализме замечания в J. Kuhn, Katholische Dogmatik I, Tübingen 1846, 258 ff.

¹¹⁷ «Принципы викторианской школы, с одной стороны, и абелярдистского кружка – с другой, соединяются в нем в прекрасной гармонии. С первыми он разделяет радость веры, со вторыми – наслаждение критикой, и от обоих он избавился от излишеств» (Esenberger, Die Philosophie des Petrus Lombardus 29).

¹¹⁸ S. Bonav. Opera I 16.

¹¹⁹ «Cupientes aliquid de penuria ac tenuitate nostra cum pauperula in gazophylacium Domini mittere, ardua scandere, opus ultra vires nostras agere praesumpsimus.»

¹²⁰ Parad. 10, 106—108.

К этому его побудили мольбы благочестивых студентов, чьим похвальным ученым начинаниям он хотел послужить словом и письмом¹²¹. В дальнейшем прологе в резких словах обличается поведение тех, кто идет по пути преступного заблуждения в вопросах веры.

Чтобы сразить этих врагов веры и возжечь свет истины на светильник, он с большим усердием и трудом и с Божьей помощью написал этот том, состоящий из четырех книг, и составил его из свидетельств и изречений вечной, непоколебимой истины. Точка зрения традиции и доктринальной преемственности является для него решающей. Его собственный голос должен быть мало слышен, а барьеры, установленные Отцами, ни в коем случае не должны быть нарушены. Даже если автор не очень известен, его труд не должен рассматриваться как лишнее начало. Ведь для стольких неученых, к которым скромно причисляет себя Ломбард, весьма необходимо, чтобы изречения и мысли Отцов были систематически собраны в умеренном томе, в сборнике, согласно наиболее важным дословным цитатам.

Таким образом, исследователь истины освобождается от необходимости трудиться над огромным богатством трудов Отцов. В конце концов, краткий справочник предлагает ему то, что он ищет, без особых усилий¹²². Таким образом, отбирая и группируя изречения Отцов, разрабатывая систематическое богословие в форме библейско-патристической книги для изучения и чтения, лангобард, по выражению Бонавентуры,¹²³ придает своему изданию ценность «*opus authenticum et eompensiosum*». В конце своего предисловия наш богослов выражает желание найти не только благочестивого читателя, но и откровенного критика, особенно в тех местах, где рассматриваются сложные и глубокие вопросы.

Здесь, как и в других местах пролога, в наших ушах звучат августиновские фразы.

Благородная скромность лангобарда, с которой мы сталкиваемся в этом прологе, его энтузиазм в отношении веры, его непоколебимая приверженность авторитету Отцов – моменты, которые напоминают нам о Гуго Сен-Викторском; эти черты также напоминают нам о многих частях его работы над приговорами. Скромный образ мышления лангобарда виден, когда он неоднократно говорит о недостаточности и относительности своего понимания и знаний, когда предпочитает выслушать других, а не излагать собственные взгляды, когда воздерживается от самостоятельного, окончательного решения сложных вопросов и отсылает читателя к собственным размышлениям и суждениям или к другим авторам, которые, возможно, более глубоко и правильно поняли и изложили рассматриваемую тему¹²⁴.

Очень часто встречаются отрывки, в которых наш схоластик недвусмысленно выражает свою решимость и энтузиазм в отношении веры и противостоит ереси.¹²⁵

¹²¹ «Delectat nos veritas pollicentis, sed terret immensitas laboris: desiderium hortatur proficiendi, sed dehortatur infirmitas deficiendi, quam vincit zelus domus Dei. Quo inardescentes, fidem nostram ad versus errores carnalium atque animalium hominum Davidicae turris clypeis munire vel potius munitam ostendere ac theologiarum inquisitionum abdita aperire nee non et sacramentorum ecclesiasticorum pro modico intelligentiae nostrae notitiam tradere studuimus, non valentes studiosorum fratrum votis iure resistere, eorum in Christo laudabilibus studiis lingua ac stilo nos servire flagitantium, quas bigas in nobis agitat Christi caritas».

¹²² «Horum igitur et Deo odibilem ecclesiam evertere atque ora oppilare, ne virus nequitiae in alios effundere queant, et lucernam veritatis in candelabro exaltare volentes, in laore multo ac sudore hoc volumen, Deo praestante, compegimus ex testimoniis veritatis in aeternum fundatis, in quattuor libros distinctura. In quo maiorum exempla doctrinamque reperies.... Sicubi vero parum vox nostra insonuit, non a paternis discessit limitibus. „Non igitur debet hic labor cuiquam pigro vel multum docto videri superfluum, cum multis impigris multisque indoctis, inter quos etiam mihi, sit necessarius“, brevi volumine complicans Patrum sententias, apposis eorum testimoniis, ut non sit necesse quaerenti librorum numerositatem evolvere, cui brevitatis collecta quod quaeritur affert sine labore.»

¹²³ Commentarius in Prologum Magistri, Divisio textus ultimae partis.

¹²⁴ «Pro sensus nostri imbecillitate» (Sent. I, d. 45, c. 1); «Ad hoc iuxta modulum nostrae intelligentiae ita dieimus» (Sent. I, d. 35, c. 3); «Non est nobis perspicuum aperire, quomodo hoc sit verum» (Sent. I, d. 7, c. 4); «In quorum explanatione mallem silens alios audire quam loquendo malevolis detrahendi occasionem praestare» (Sent. I, d. 19, c. 14); «Satis diligenter iuxta diversorum sententias, suprapositam absque assertione et praeiudicio tractavi quaestionem. Verumtamen volo in re tanta tamque ad dignoscendum difficili putare lectorem istam sibi nostram debere sufficere disputationem, sed legat et alia forte melius considerata atque tractata, et ea quae hic movere possunt, vigilantiori atque intelligentiori, si potest, mente discutiatur» (Sent. III, d. 6, c. 13; cp. Sent. I, d. 32, c. 9; Sent. II, d. 27, c. 11).

¹²⁵ Его позицию в отношении ереси см. в Prologus and Sent. I, d. 32, c. 9: «Haereticorum improbitas instinetu diabolicae

Его взгляд на природу и ценность веры, а также на отношение веры к знанию соответствует взглядам Августина – Ансельма – Хью Сен-Викторского. Он не рассматривает психологию веры в той же степени, что и Хью Сент-Виктор. Из-за большого количества перемежающихся цитат учение Ломбарда о вере часто производит впечатление неустойчивого и непоследовательного. Конечно, от него еще нельзя ожидать ясности и полноты трактата св. Фомы о вере. Для Ломбарда вера стоит на первом месте. В его учении о Троице на первом месте стоит утверждение того, чему учит вера: «*Nos itaque vera ac pia fide tenendum est, quod trinitas sit unus, solus et verus Deus*».¹²⁶ Этот акцент на позиции веры означает, что *auctoritas* находится в большом почете. На вопрос о том, какой порядок и последовательность следует соблюдать при изложении доктрины Троицы, он отвечает ссылкой на Августина, утверждая, что *auctoritas sanctorum Scripturarum*, изложение содержания веры на основе Священного Писания, является авторитетным в первую очередь, а спекуляции с *rationes catholicae* и *similitudines congruae* должны действовать только во вторую очередь¹²⁷. Он стремится подкрепить свои богословские взгляды *auctoritas*; он хочет исключить из Священного Писания любую тень ошибки и противоречия¹²⁸.

Из отцов его первым авторитетом является «эгрегориальный доктор», «досточтимый доктор Августин»,¹²⁹ которому он старается следовать повсюду. Он также благоговеет перед другими Отцами. Он занимает резкую позицию против посягательств и вторжений философии и диалектики в сферу веры. Софистика, говорит он, может быть уместна в области естественного, но тайна веры свободна от философских аргументов. Он ссылается на изречение святого Амвросия о том, что нужно верить рыбакам, а не диалектикам¹³⁰. Что касается Троицы, то языческие философы видели истину только «*per umbram et de longinquo*»; ведь нельзя получить достаточное знание о Троице, просто созерцая творения без сверхъестественного откровения¹³¹.

Отвергая диалектические нападки на теологию и очень осторожно высказываясь о познаваемости Троицы посредством разума или дохристианской философии, Петр Ломбард отошел от своего учителя Абэла.

В определении веры как «*argumentum vel convictio rerum non apparentium*»¹³² выражение Абеляра «*existimatio*», против которого возражал Вильгельм из Сен-Тьерри, искореняется и заменяется на *convictio* или *argumentum*. Почти сразу после этого термин «*certitudo*», свойственный Гуго из Сен-Виктор, появляется в *Petrus Lombardus* как характеристика веры, религиозного знания.

fraudentiae excitata».

¹²⁶ Sent. I, d. 2, c. 1.

¹²⁷ Sent. I, d. 2, c. 3. Cp. s. August., De trinitate 1. 1, c. 2, n. 4.

¹²⁸ «Ne autem in re tanta aliquid de nostro influere videamur, sacris auctoritatibus quod dictum est corroboremus» (Sent. I, d. 9, c. 4); «Nos autem omnis mendacii et contradictionis notam a sacris paginis secludere cupientes, orthodoxis patribus atque catholicis doctoribus nulla pravae intelligentiae suspicione notatis consentimus» (Sent. III, d. 5, c. 3).

¹²⁹ Sent. I, d. 1, c. 1; Sent. I, d. 2, c. 1.

¹³⁰ «Illae enim et huiusmodi argutiae in creaturis locum tenent, sed fidei sacramentum a philosophicis argumentis est liberum. Unde Ambrosius in lib. 1 de Fide c. 5 in fine: aufer argumenta, ubi fides quaeritur. In ipsis gymnasiis suis iam dialectica iaceat; piscatoribus creditur, non dialecticis» (Sent. III, d. 22, c. 1).

¹³¹ «Non enim per creaturarum contemplationem sufficiens notitia Trinitatis potest haberi vel potuit sine doctrinae vel interioris inspirationis revelatione. Unde illi antiqui philosophi quasi per umbram et de longinquo viderunt veritatem, deficientes in intuitu Trinitatis, ut magi Pharaonis in tertio signo» (Sent. I, d. 3, c. 6). «Ad quod dicimus eos (sc. antiquos philosophos) hanc distinctionem summae Trinitatis, quam Fides catholica profitetur, nullatenus habuisse vel habere potuisse absque doctrinae vel internae inspirationis revelatione» (In ep. ad Rom 1, 20—23 [M., P. L. CXCI 1328]).

¹³² «Ait enim Apostolus Hebr 11, 1: „Fides est substantia rerum sperandarum, argumentum vel convictio non apparentium“; quia per fidem subsistunt in nobis etiam modo speranda, et subsistunt in futuro per experientiam: et ipsa est probatio et convictio non apparentium: quia si quis de eis dubitet, per fidem probantur; ut adhuc probatur futura resurrectio, quia ita crediderunt patriarchae et sancti alii; vel probatio est et certitudo, quod sint aliqua non apparentia» (Sent. III, d. 23, c. 8).

Хотя «*Magister sententiarum*» так сильно подчеркивает веру и, кажется, уступает лишь скромное место разуму и диалектике в области сверхъестественного, он ни в коем случае не хочет отгородить всякое мышление от акта веры. Его концепция веры ориентирована на интеллект. Это особенно очевидно при обсуждении вопроса о том, можно ли познать то, что является содержанием веры. Вслед за Августином он учит, что деятельность разума предшествует вере – ведь поскольку вера возникает из слуха, смысл услышанного должен быть каким-то образом распознан. Разумеется, это распознавание, предшествующее вере, не является знанием. Точно так же Петр Ломбардский подчеркивает познание, деятельность разума после веры, более глубокое проникновение в содержание откровения.

В качестве причинных моментов этого понимания он выделяет очищение сердца и любовь к Богу, даваемые вместе с верой, то есть этико-аскетические моменты¹³³. В другом месте он также подчеркивает важность любви к Богу для науки и видит в ней что-то полезное только тогда, когда любовь соединяется с ней¹³⁴. Это утверждение «*Magister sententiarum*» о деятельности разума до и после веры, которое, по общему признанию, сформулировано нечетко, является отголоском взглядов Августина¹³⁵ и ничем иным, как «*Credo, ut intelligam*» Ансельма.

Акцент на этико-мистических моментах для достижения более глубокого проникновения в вероучительное содержание откровения вновь выдает близость к научным идеалам Гуго Сен-Викторского, Ансельма и Августина. Цитата из Исая, приведенная Петром Ломбардом в этой главе: «*Nisi credideritis, non intelligetis*» (Is 7, 19), также указывает на традиционный патристическо-ансельмианский взгляд на отношения между верой и знанием.

Если бы мы сейчас завершили описание научного образа мышления и деятельности Ломбарда, его методов преподавания и изложения, мы бы нарисовали лишь неполную картину, не вполне соответствующую действительности. Мы рассмотрели бы «*Magister sententiarum*» только с точки зрения того, насколько он представляет более позитивное направление Гуго Сен-Викторского. Метод нашей схоластики имеет второе лицо, в котором видны черты Абельяра и диалектиков. Влияние этого диалектического направления едва ли не более разительно, чем влияние викторианской школы.

Даже беглое прочтение *Sentenzenbuch* вызывает в памяти термины, напоминающие о диалектических приемах и практике этой школы. Внешний облик «Сентенций» носит гораздо более ярко выраженный диалектический характер, чем, например, работа Гюго «*De sacramentis fidei christianae*» и даже чем богословские труды Петера Абельяра. Помимо фраз *Solet quaeri, Sed contra hoc opponitur*, которые встречаются и в более ранних произведениях, значительную роль играет *determinatio* – решение трудностей через различие, и очевидно значительное знакомство с силлогистическим искусством.

Диалектическая окраска «Книги сентенций» проявляется в основном в двух моментах. Во-первых, метод *sic-et-non*, в основных чертах разработанный еще Бернольдом Констанцским и получивший более четкую форму у Абэларда, прежде всего, диалектическую тенденцию, используется Петром Ломбардом в еще более развитом виде, когда не только собираются противоречивые изречения Отцов и программно приводятся средства согласования для их при-

¹³³ «Ex his apparet, aliqua credi quae non intelliguntur vel sciuntur, nisi prius credantur; quaedam vero intelligi aliquando etiam, antequam credantur. Nee tamen sic intelliguntur modo, ut in futuro sciuntur: et nunc etiam per fidem, qua mundantur corda, amplius intelliguntur: quia nisi per fidem diligatur Deus, non mundatur cor ad eum sciendum.... Ecce hie aperte habes, quia non potest sciri Deus, nisi prius diligendo credatur. Supra autem dictum est, quod nemo potest credere in Deum, nisi aliquid intelligat. Unde colligitur non posse sciri et intelligi credenda quaedam, nisi prius credantur; et quaedam non credi, nisi prius intelligantur; et ipsa per fidem amplius intelligi. Nee ea quae prius creduntur quam intelligantur, penitus ignorantur, cum fides sit ex auditu. Ignorantur tamen ex parte, quia non sciuntur. Creditur ergo quod ignoratur, sed non penitus» (Sent. III, d. 24, c. 3).

¹³⁴ «Addite scientiae charitatem, et utilis erit scientia. Per se enim inutilis est scientia, cum charitate utilis est» (In ep. 1 ad Cor c. 8 [M., P. L. CXCI 1601]).

¹³⁵ Grabmann, *Geschichte der scholastischen Methode* I 129 ff.

мирения, но и систематически применяются эти правила согласования. Во-вторых, Ломбард проявляет немалую степень диалектического мастерства в опровержении спекулятивных возражений и взглядов, выдвигаемых современными богословами.

В первом отношении процедура Ломбарда в основном выглядит следующим образом. Во-первых, рассматриваемая проблема объявляется либо в форме вопроса, либо в тетической форме в качестве заголовка главы¹³⁶. Иногда перед тем, как изложить решение проблемы, делается предпосылка, чтобы облегчить понимание сложных вопросов¹³⁷. Изложенное решение сразу же подкрепляется авторитетами, изречениями из Писания и Отечника, часто в довольно большом количестве. Теперь приводятся авторитеты, которые, как кажется, говорят противоположное тому решению или ответу, которое отстаивают и поддерживают отцы.

Эти противоположные авторитеты вводятся такими фразами, как «*Praedictis autem videtur contrarium esse quod dicit Augustinus*» – «*His autem videntur adversari quae dicit*» и т. д.. Эти положительные аргументы против также часто появляются в значительном количестве. Теперь задача состоит в том, чтобы найти баланс между этими противоречивыми цитатами, *concordantia discordantium*. Он очень озабочен тем, чтобы устранить эту *repugnantia* из мира. Он стремится оценивать тексты Отцов как можно более пietetно и добиваться благожелательной интерпретации¹³⁸. Для достижения этого согласия между противоречащими друг другу авторитетами он использует правила конкордации, установленные Абеяром в прологе к его работе «*Sie et non*». Он отдает предпочтение четвертому из этих правил конкорданса, согласно которому решение патристических диссонансов может быть достигнуто путем доказательства того, что одни и те же слова и термины используются разными авторами в разных смыслах¹³⁹. В трактате об Абэларе¹⁴⁰ мы уже видели, как метод *sic-et-non* приобрел преимущественно диалектический характер именно благодаря формулированию и отстаиванию этого правила согласования.

Часто прибегая к этому правилу, Ломбард следует по пути диалектических теологов. Детерминация противоречащих друг другу авторитетов осуществляется им довольно часто, в основном путем указания на то, что одни и те же термины или локуции имеют разное значение у соответствующих Отцов и что поэтому противоречие, указанное в формулировке, не является фактическим.¹⁴¹ В этом методе *determinatio auctoritatum* наш теолог также стремится понять и объяснить разницу в значении и объеме одного и того же термина у двух или более Отцов из причин¹⁴². Он не просто оперирует уловками лингвистической логики, но в своем стремлении согласовать произведения отцов делает акцент на аспектах содержания. Это удается ему потому, что он обычно приводит довольно длинные тексты Отцов и, таким образом, имеет соответствующий материал для оценки контекста, тогда как многие другие

¹³⁶ Например, *Sent. I, d. 14, c. 1*: «*Quod gemina est processio Spiritus sancti** (тетическая форма). *Ibid. c. 5*: «*An Viri sancti et Ecclesiae praelati dent vel dare possint Spiritum sanctum*». Фразы, с которыми обращаются к субъекту после этих заголовков, очень различны: «*Hic considerandum est*», «*Praeterea diligenter adnotandum est*», «*Nunc tractandum est*», «*Hicoritur quaestio*». Часто встречающееся «*Quaeri solet*» указывает на популярную и практиковавшуюся в школах того времени формулировку проблемы.

¹³⁷ Например, *Sent. I, d. 17, c. 2*: «*Hoc autem ut intelligibilis doceri ac plenius perspicere valeat, praemittendum est quiddam ad hoc valde necessarium*».

¹³⁸ *Sent. I, d. 9, c. 4*: «*Sed ne tanti auctores sibi contradicere in re tanta videantur, verba Gregorii benigne interpretemur*». *Sent. I, d. 16, c. 2*: «*Audisti, lector, quid super hoc dicat Hilarius, cuius verba, ubicumque occurrerint, diligenter nota pieque intellige*».

¹³⁹ «*Facilis autem plerumque controversiarum solutio reperietur, si eadem verba in diversis significationibus a diversis auctoribus posita defendere poterimus*» (*Prologus Petri Abaelardi in «Sie et non»* [М., Р. Л. CLXXVIII 1344 DJ. Ср. выше с. 202]).

¹⁴⁰ S. 211 f.

¹⁴¹ Например, *Sent. I, d. 13, c. 6*: «*Sed ut istam quae videtur repugnantiam de medio abigamus, dicimus, quod Hieronymus aliter accipit nomen ingenui et aliter Augustinus*».

¹⁴² *Sent. III, d. 15, c. 7*: «*Ecce aperte noscitur eundem sibi in his verbis contradicere, nisi varias dictorum discerneret causas, ex quibus intelligentia verborum assumenda est. Si enim discernatur intelligentiae causa praedictorum verborum, nihil occurrit contradictionis*».

богословы, особенно к концу XII века, часто цитируют лишь короткие и фрагментарные патристические отрывки и обрабатывают их диалектически.

Еще одним правилом конкордации, применяемым лангобардами, является второе правило, приведенное Абельяром, а именно определение того, следует ли понимать патристическое высказывание как независимое окончательное утверждение или только как изложение других мнений и постановку проблемы¹⁴³. Используется также пятое правило конкорданса Абельяра, согласно которому выход можно найти, взвесив авторитеты, при этом Священное Писание получает вес непогрешимой правоты, а Августин занимает первое место среди Отцов.

Таким образом, «*Magister sententiarum*» последовательно и основательно использовал метод *sic-et-non* и на деле доказал, что отстаивание авторитета Писания и Отцов вполне совместимо с адекватным применением этого схоластического метода обучения.

Диалектическая способность «*Magister sententiarum*» проявляется даже в большей степени, чем в согласовании различных по звучанию изречений Отцов посредством применения метода *sic-et-non*, когда он обсуждает и критикует мнения и возражения современных богословов. Этим богословов он представляет с помощью *alii*, *quidam*, как это стало правилом в поздней схоластике. Несколько раз их клеймят нелестными терминами, такими как *garruli ratiocinatores*¹⁴⁴, *quidam? sophistae*¹⁴⁵ и т. д.. Здесь он имеет в виду theologов, которые, применяя диалектику к теологии, как ему казалось, делали слишком много хорошего. Философские познания Ломбарда особенно ярко проявляются в его спорах с этими theologами и в обсуждении схоластических вопросов.

Правда, собственно философские проблемы имеют для него меньшее значение. Например, он довольно сдержанно и односложно выражается по поводу проблемы универсалий, о которых он размышляет в терминах реализма¹⁴⁶. Однако в теологическом мышлении наших схоластов скрыто много прикладной философии. В частности, в разделах или главах, посвященных иногда весьма тонким вопросам современного богословия в учении о Троице, христологии и т. п., он ясно демонстрирует, что хорошо знаком с формальной стороной философской работы и мысли того времени. Он мастерски владеет искусством силлогизма и использует различия, чтобы найти выход из затруднений и неясностей. Показательным примером такой диалектической виртуозности является четвертое различие первой книги. Здесь речь идет о *quaestio satis necessaria*: «*utrum concedendum sit, quod Deus se genuerit*». В двух непосредственно предшествующих различениях Троица была доказана в единстве сущности, а именно: *auctoritatibus, rationibus, similitudinibus*.

Теперь необходимо осветить и устранить спекулятивные трудности. Во-первых, против пропозиции «*Deus genuit Deum*» выдвигается аргумент в пользу отрицательного ответа на вопрос, допустима ли эта пропозиция или нет, а именно: приводится логически безупречно разработанный силлогизм (*sylogismus cornutus*). Затем схоластик излагает свою собственную точку зрения, которая решает вопрос решительно утвердительно, и подкрепляет свой тезис сначала кратким аргументом от авторитета, ссылаясь на Никейский символ. Затем он опровергает дилемму оппонента, признавая недействительными ее подчиненные положения¹⁴⁷. Теперь оппоненты, выступающие за отрицательное решение укоризненного вопроса, выдвигают новые возражения, опять же в форме дилеммы, *sylogismus cornutus*. Разрешение происходит путем различения¹⁴⁸. Вся формулировка этого и следующего сразу за ним различия напоминает тех-

¹⁴³ Sent. II, d. 4, c. 2: «*Sed haec magis opinando et quaerendo dicit Augustinus quam asserendo.*»

¹⁴⁴ Послание. I, d. 4, c. 2.

¹⁴⁵ Sent. I, d. 46, c. 13.

¹⁴⁶ Cp. H. Dehove, Qui praecipue fuerint labente XII saeculo ante introductam Arabum philosophiam temperati realismi antecessores, Insulis 1908, 119 ff; Espenberger, Die Philosophie des Petrus Lombardus 22 ff.

¹⁴⁷ C. 1.

¹⁴⁸ C. 2: «*Sed adhuc opponunt garruli ratiocinatores dicentes: Si Deus Pater genuit Deum, aut genuit Deum qui est Deus Pater,*

нику диспутов, которая постепенно начала утверждаться на теологической почве после того, как стала известна «Новая логика».

Большую виртуозность в диалектическом процессе ломбард проявляет и в других отрывках «Сентенций»¹⁴⁹.

Время от времени он также обращается к правилам диалектики и устанавливает их применимость или неприменимость к теологическим проблемам¹⁵⁰. В то же время он остерегается чрезмерного использования диалектического искусства в богословской сфере и старается избегать слишком тонких вопросов и расследований¹⁵¹.

Если теперь свести эти подробные замечания о методах преподавания и изложения Ломбарда к исторической оценке, то «*Quattuor libri sententiarum*» несет на себе отпечаток сочетания школ мысли и работы Гуго Сен-Викторского и Петера Абеляра. Эти две школы повлияли друг на друга еще до написания «Сентенций».

Влияние образа мышления Гуго на школу Абеляра проявляется уже в «Сентенциях Роланда» и «Омнебене» по содержанию и методу, и, наоборот, метод Абеляра «ше-эт-нон» и энергичный акцент на диалектике оказали влияние на представителей викторианской школы. Петр Ломбард является сегодня главным образцом этого сочетания позитивно-консервативного элемента викторианцев с более философской, диалектической концепцией абэлардистского круга мыслителей¹⁵². Метод *sic-et-non* предстает перед нами в развитой форме в «Сентенцмейстере», поскольку правила согласования не просто перечисляются программно, как у Абэлар, но и применяются на практике, и таким образом осуществляется реальное уравнивание противоречивых авторитетов. Кроме того, техника силлогизма рассматривается в «Ломбарде» в более развитой форме, чем в «Абеляре». Это, несомненно, связано с вхождением всей аристотелевской логики в западный круг идей. Это дальнейшее развитие абэлардианского метода происходило в нашей схоластике в рамках высокого уважения к традиции и взгляда на отношения между верой и знанием, выраженного и развитого Августином, Ансельмом и Хью Сен-Викторским.

Это предотвращало опасность и обоснованную подозрительность рационалистических тенденций и делало схоластический метод преподавания и изложения приемлемым для позитивных и строго консервативных теологов. Проникновению этого метода в ряды консервативных богословов препятствовало сопротивление односторонних антидиалектиков, таких как Ж.В. Уолтерса Сен-Викторского, с которым мы уже встречались в другом контексте как с яростным противником Ломбарда¹⁵³, остановить в конечном итоге не удалось.

Таким образом, «Сентенции» Ломбарда представляют собой значительный этап в постепенном становлении и развитии того схоластического метода преподавания и изложения, который мы встречаем в философско-богословской литературе высокой схоластики в стереотипной схеме (вопрос – возражения – принципиальное решение проблемы – ответ на возражения).

aut Deum qui non est Deus Pater. Si genuit Deum qui non est Deus Pater, ergo Deus est qui non est Deus Pater: non ergo tantum unus Deus est. Si vero genuit Deum qui est Deus Pater, ergo genuit seipsum. Ad quod respondemus determinantes illam propositionem, qua sic proponunt... hoc enim sane et prave intelligi potest: et ideo respondendum est ita. Deus Pater genuit Deum qui est ipse Pater: hoc dieimus esse falsum et concedimus alteram, scilicet genuit Deum, qui non est Pater..... Si vero additur... hoc distinguimus: qui dupliciter potest intelligi... hic sensus verus est... hic sensus falsus est.»

¹⁴⁹ E. g. Sent. I, d. 39, c. 1—3; I, d. 40, c. 3; I, d. 44; III, d. 10, c. 1.

¹⁵⁰ Sent. I, d. 27, c. 8; II, d. 24, c. 6: «Ideoque in his contrariis, quae mala et bona vocantur, illa dialecticorum regula deficit, quae dieunt nulli rei duo simul esse contraria.» Sent. III, d. 11, c. 2: «Ex tropicis locutionibus non est reeta argumentationis processio.»

¹⁵¹ Cp. sent. I, d. 12, c. 2: «His et huiusmodi quaestionibus magis labouriosis et fructuosis» и т. д.; Sent. I, d. 46, c. 13: «Quidam enim sophistice incedentes et ideo Deo odibiles probare conantur» и т. д. Ibid. c. 14: «Quibus facile est nobis respondere, sed indignum responsione videtur quod dieunt».

¹⁵² Cp. об этих взаимных отношениях между школой Гуго и абэларами у Э. Портали* в Dictionnaire de theologie catholique I 51—55.

¹⁵³ Cp. выше p. 124 f.

Разумеется, метод изложения Ломбарда отнюдь не укладывается в фиксированные формы, в постоянно повторяющийся порядок. Но в нем легко заметить продвижение к стереотипной схеме изображения по сравнению с Гуго фон Санкт-Виктором и Петером Абеляром. Эспенбергер¹⁵⁴ замечает, что Петра можно с полным основанием назвать основателем строго схоластического метода, получившего распространение в XIII веке, поскольку он в основном способствовал его торжеству.

Это замечание в значительной степени справедливо, если понимать схоластический метод как внешнюю технику, внешнюю форму изложения схоластики. То, что составляет суть схоластического метода: применение разума, философии к истинам откровения, чтобы приблизить содержание веры к мыслящему человеческому разуму, представить его в виде системы и разъяснить перед лицом возражений и трудностей, – эта действительная душа схоластического метода отнюдь не является творением лангобардов. Мы имеем дело с методом, унаследованным от патристики, который Ансельм Кентерберийский, отец схоластики, в программной фиксации поставил перед душой будущей схоластики. Прогрессивность «*Magister sententiarum*» лежит в русле схоластического метода преподавания и изложения, так сказать, чувственного воплощения и воплощения внутренней сущности схоластического метода.

Он развил метод *sic-et-non* Абеляра и стремился согласовать диалектическую обработку богословского материала с идеей «*Credo, ut intelligam*». В этом смысле мы можем назвать его основателем или, скорее, популяризатором схоластического метода.

Когда Эспенбергер¹⁵⁵ продолжает отмечать, что без лангобарда были бы невозможны итоги последующего периода, в том числе и Аквинского, это, вероятно, переоценка мастера «Сентенций». Схоластический метод преподавания и изложения, несомненно, развивался бы и эволюционировал без этого богослова.

Одним из доказательств этого является научный труд Роберта Мелунского, в котором синтез «*Credo, ut intelligam*» с диалектической трактовкой теологии предстает перед нами в поразительном свете. Сентенции Роланда и Омнебена, а также труды Жильбера де ла Порри и его школы – здесь нам достаточно упомянуть «*Sententiae divinitatis*» – следуют теми же методологическими путями, что и Ломбард. Чтобы исторически верно оценить факторы развития научных течений XII века, необходимо взглянуть на них более концентрически. Изолированное рассмотрение только одного или другого мыслителя приводит к односторонним взглядам.

§4 ИСТОЧНИКИ ПЕТРА ЛОМБАРДА

Анализ источников книги предложений знакомит нас с методами работы Петра Ломбарда и с *sententiae* того времени в целом. После издания Кваракки «*Libri quattuor sententiarum*» в издании Бонавентуры такой анализ источников предпринял Бальтцер¹⁵⁶. Ценный вклад, многие из которых основаны на изучении рукописей, внес Ж. де Геллинк¹⁵⁷ в изучение источников и их использование лангобардами.

Распределение афоризмов по источникам позволяет выявить зависимость «*Magister sententiarum*» от патристики, а также от более ранней и современной схоластики. Основным источником для *Petrus Lombardus* является Августин, у которого он берет около 1000 цитат (в том числе 280 из *De trinitate*, 93 из *Enchiridion* и т. д.). Иларий цитируется 85 раз, Амвросий – несколько чаще, Иероним – 50 раз, Григорий Великий – 55 раз, Кассиодор – 9 раз, Исидор –

¹⁵⁴ Философия Петра Ломбарда, 30.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Die Sentenzen des Petrus Lombardus, ihre Quellen und dogmengeschichtliche Bedeutung, Leipzig 1902. J. Annat, Pierre Lombard et ses sources patristiques, in Bulletin de litt. eccl. 1906, 84–95.

¹⁵⁷ Le traité de Pierre Lombard sur les sept Ordres, Louvain 1910; Ders., Les oeuvres de Jean de Damas en occident etc., в Revue des questions historiques LXXXVIII 149–160.

30 раз, Беда – 30 раз, Боэций – только один раз. Единичные цитаты взяты из до-никоновской литературы (Пастырь Ерма, Киприан, Ориген). Из греческой патристики часто цитируются только Иоанн Златоуст (около 17 раз) и Иоанн Дамаскин (27 раз)¹⁵⁸. Ж. де Геллинк сделал интересные наблюдения в отношении цитат из Дамаскина.

«De fide orthodoxa» 3, 2—8, вполне вероятно, как с полным основанием показывает Ж. де Геллинк, что лангобард располагал только этими восемью главами из перевода Бургундио Пизанского сочинения «De fide orthodoxa». Действительно, Cod. 35 из библиотеки аббатства Реун содержит также «Трактат Иоанна Дамаскина о воплощении веры», в котором эти восемь глав содержатся отдельно¹⁵⁹.

В своих «Сентенциях» Петр Ломбардский не только собрал тексты из Отцов, но и выпи-сал из них более ранних и современных авторов. О том, что он обращает внимание на богослов-ские проблемы схоластики того времени, особенно в более диалектических разделах, свиде-тельствуют ссылки на «quidam, aliqui» и т. д.. Ломбардцы, несомненно, пользовались услугами Петра Абэлларда, о чем говорит замечание Иоганна Корнубиенца: «Magister Petrus Lombardus... illum librum (Abälard's Theologia) frequenter prae manibus habebat»¹⁶⁰ свидетельствует. Ж. де Геллинк¹⁶¹ показал его зависимость от главного труда Иво Шартрского и Гуго Сен-Виктор-ского «De sacramentis christianae fidei», особенно в трактате De ordine. Тот же ученый ука-зывает на «Сентенции» Альгера Льежского как на источник лангобардов¹⁶². Наиболее значи-тельное влияние оказала «Сумма сентенций», приписываемая Гуго Сен-Викторскому¹⁶³. Это влияние создало такое сходство и согласие между двумя работами, что Миньон¹⁶⁴ смог выска-зывать, по общему признанию, неверную мысль о том, что автором «Суммы сентенций» был лангобард. Факт родства «Магистра сентенций» с Робертом Пуллусом и Магистром Роландом не может быть подтвержден положительными доказательствами. Б. Гейер¹⁶⁵ установил лите-ратурную зависимость от школы Жильбера де ла Порри, особенно от «Sententiae divinitatis». Обосновано ли отношение лангобардов к трудам по sententiae, возникшим в школах Виль-гельма из Шампо и Ансельма из Лаона, предстоит выяснить в ходе сравнительных исследова-ний.

Наконец, обширным источником является «Decretum Gratiani» для Петра Ломбардского, который взял из него не менее 236 канонов¹⁶⁶.

Такое использование декрета Грациана указывает путь к решению вопроса о том, откуда Ломбард черпал свои патристические материалы. По большей части он получал свои цитаты из Отцов не путем последовательного патристического чтения, т. е. собственно патристиче-ского источниковедения, а из вторых рук. Прежде всего, «Glossa ordinaria»

Валафрида Страбона и «Decretum Gratiani» рассматриваются как эмпории патристиче-ских материалов. Благодаря своим экзегетическим трудам, комментариям на Псалмы и Пау-лины, Петр Ломбардский был знаком с «Ординарной глоссой» Валафрида Страбона и хра-нящимися в ней цитатами из Отцов. Поэтому само собой разумеется, что он также включил изречения Отцов, собранные в его более ранних экзегетических и литературных работах, в свой SentenzenwTerк и сгруппировал их в соответствии с систематическими принципами.

¹⁵⁸ Baltzer op. cit. 2—5.

¹⁵⁹ J. de Ghellinck, Les œuvres de Jean de Damas etc. 155.

¹⁶⁰ M., P. L. CXCIX 1052. Ср. также E. Kaiser, Pierre Abélard critique, Fribourg 1901, 311.

¹⁶¹ Le traité de Pierre Lombard etc.

¹⁶² Ibid. 46.

¹⁶³ Baltzer, Die Sentenzen des Petrus Lombardus etc. 8.

¹⁶⁴ В Revue des sciences ecclésiastiques, decembre 1890, 514. От этой точки зрения вновь отказывается Миньон в своей работе «Les origines de la scolastique et Hugues de St Victor» I, Paris 1895, 31.

¹⁶⁵ Sententiae divinitatis, Münster 1909, 22.

¹⁶⁶ Baltzer a. a. O. 11.

Между его «Сентенциями» и его толкованиями Писания местами наблюдается буквальное совпадение.

В некотором смысле эти комментарии к Священному Писанию представляют собой сборник материалов для более поздних «Сентенций». ¹⁶⁷ В связи с этим утверждение Харнака ¹⁶⁸, что Петр Ломбард черпал патристические цитаты „из Glossa Strabonis при посредничестве „Сентенций“ неясного канониста Гандульфа“, неверно. Во-первых, как будет показано ниже, Гандульф был позже Петра Ломбарда и зависел от него. Во-вторых, лангобарду, который наиболее полно использовал глоссы Страбона во всех своих экзегетических трудах, конечно же, не нужно было присваивать отрывки Валафрида Страбона косвенно, через посредничество других афоризмов, для своих более поздних афоризмов. В-третьих, связь между лангобардами и Гандульфом может быть научно установлена только в том случае, если для сравнения можно использовать текст афоризмов Гандульфа. Decretum Gratiani» был обширным источником материала, особенно для четвертой книги «Сентенций Петра Ломбардского», для учения о таинствах.

§5 ПЕРЕСМОТР И СОКРАЩЕНИЕ «LIBRI QUATTUOR SENTENTIARUM». СЕНТЕНЦИЙ МАГИСТРА ГАНДУЛЬФА

В XII веке «Сентенции» Петра Ломбарда уже несколько раз пересматривались, извлекались и сокращались.

Другие сборники афоризмов также были составлены по образцу «Magister sententiarum».

Самым известным сборником сентенций Петра Ломбарда являются сентенции Бандинуса, надпись на которых «Abbreviatio magistri Bandini de libro sacramentorum magistri petri parisiensis episcopi fideliter acta» содержится в Clm 9652 (стр. XII – XIII). ¹⁶⁹

Денифл ссылается на ряд других подобных сборников, таких как Abbreviatio in Sententias Magistri Petri Lombardi (Cod.

Tres. 1371, fol. 88) Симона Турнейского, на довольно распространенное сокращение предложений кардинала Гуго Сен-Шерского, на анонимные сокращения в английских рукописях и т. д. ¹⁷⁰ Тот факт, что существует ряд адаптаций и сокращений Petrus Lombardus, которые начинаются со второй книги предложений, с доктрины unum principium, и либо рассматривают только вторую книгу, либо также третью и четвертую книги более или менее независимо, до сих пор оставался незамеченным.

О том, что второй книге Сентенций придавалось большое значение, говорит тот факт, что эта вторая книга встречается в рукописях и отдельно. Так, Liber de rerum creatione et formatione corporalium et spiritualium, начинающаяся в Clm 2596, fol. V, есть не что иное, как вторая книга Сентенций Петра Ломбардского.

Cod. lat. 627, fol. 57—81 Национальной библиотеки в Париже содержит компендиум второй книги Сентенций под названием «Summa sententiarum divinitatis». Первая глава озаглавлена: «Quod unum sit omnium rerum principium hic ostenditur».

Эта аббревиатура обрывается на учении о благодати ¹⁷¹.

¹⁶⁷ Cf. Denifle, Die abendländischen Schriftausleger et». 56 ff 365 A. 2.

¹⁶⁸ Lehrbuch der Dogmengeschichte 111 374.

¹⁶⁹ Denifle in Archiv für Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters I 438. Ср. также Rettberg, Comparatio inter M. Bandini libellum et Petri Lombardi 1. 4 Sententiarum, Goettingae 1834.

¹⁷⁰ A. a. O. 589.

¹⁷¹ Cod. lat. bibl. nat. 627, fol. 57: «Quod unum sit omnium rerum principium hic ostenditur c. 1. Moyses Spiritus sancti revelatione unum tantum omnium rerum intellexit esse principium scilicet Deum, sicut ipse in primordio scripture sue testatur dicens: In principio creavit deus celum et terram. In quo eliduntur false opiniones quorundam philosophorum, qui dicebant plura fuisse rerum principia» etc. Petrus Lombardus, Sent. II, d. 1, c. 1: «Creationem rerum insinuans Scriptura, Deum esse creatorem, initiumque

Cod. lat. 15747 (р. XIII) из той же библиотеки предлагает довольно беглый пересмотр и краткое изложение книг 2—4 (включительно) в 254 главах. Первая глава гласит: «Quod unum tantum sit principium omnium» и начинается словами: «Nos catholice ecclesie filii credimus» и т. д.¹⁷² В вышеупомянутой рукописи сочинение вплетено с листа 71 по 87 между богословскими суммами Гауфрида из Пуатье и Вильгельма из Осера¹⁷³. Ход мыслей следует за лангобардским. На листе 76 89 глава Liber 2 начинается с учения об искуплении, которое освещается и вводится притчей о потерянной драхме, не используемой здесь в Petrus Lombardus¹⁷⁴. С другой стороны, в начале третьей книги (fol. 80) появляется учение о таинствах и эсхатологии, притча о милосердном самаритянине, которая также используется Петром Ломбардом.

Значительным богословским достижением, тесно связанным с «Сентенциями» Ломбарда, являются «Сентенции» Магистра Гандульфа, богослова и канониста, работавшего в Болонье около 1150 года. В своем весьма продуктивном трактате «Сентенции Абеляра и адаптации его теологии до середины XII века» Денифле пролил свет и на литературную деятельность Гандульфа, который до этого был известен лишь по отдельным цитатам старых канонистов, и сослался на три рукописи его теологических сентенций в Национальной библиотеке в Турине, а также на «His etenim cipio creavit deus celum et terram».

In verbis Moyses spiritu Dei afflatus, in quo eliduntur false opiniones quorumuno principio a Deo Creatore mundum dam phylosophorum, qui dicebant plura factum refert, elidens errorem quorumfuisse rerum principia» etc. dam plura sine principio fuisse principia opinantium» etc. к отрывку из того же, «Flores sententiarum magistri Gandulfi» в Cod. B. IV 29 (fol. 126—142) королевской библиотеки в Бамберге¹. Две рукописи Гандульфуса A 57 и A 115 спаслись от пожара в Туринской библиотеке в 1904 году. Кроме того, в 1909 году я обнаружил в Cod. anon. 242 из библиотеки аббатства в Хайлигенкройце, который, вероятно, старше двух упомянутых туринских рукописей¹⁷⁵.

Сходство содержания и формы «Сентенций» Петра Ломбарда и Гандульфа, совпадение инициалов третьей и четвертой книги в обеих, часто буквальное согласие в учении о крещении и покаянии до сих пор в основном объяснялось тем, что Гандульф написал свои «Сентенции» раньше Ломбарда и что последние зависят от первых¹⁷⁶. Это определение отношений между двумя схоластами также имеет рукописную основу в том, что в нескольких рукописях «Magister sententiarum» есть ссылки на полях на параллельные отрывки Гандульфа, что, очевидно, указывает на Гандульфа как на источник Ломбарда¹⁷⁷.

Теперь Ж. де Геллинк сделал предложения Ломбарда и Гандульфа предметом детального сравнительного исследования и пришел к неоспоримому выводу, что Ломбард не зависел от Гандульфа, а наоборот, последний, как более поздний автор, широко использовал Лом-

temporis, atque omnium visibilium vel invisibilium creaturarum, in primordio sui ostendit, dicens: In principio creavit Deus coelum et terram. His etenim verbis Moyses spiritu Dei afflatus, in uno principio a Deo Creatore mundum factum refert, elidens errorem quorumdam plura sine principio fuisse principia opinantium» etc.

¹⁷² Вся первая глава Sent. II Ломбардской церкви подытожена здесь предложением: «Nos catholice ecclesie filii credimus unum omnium creatorem et principium expuentes Piatonis errorem, qui finxit tria esse principia, deum et exempla et materiam.»

¹⁷³ Делиль упустил этот опус из виду в своем «Inventaire des manuscrits de la Sorbonne» (Paris 1870, 23).

¹⁷⁴ «Mulier evangelica, que lucernam accendit et drachmam quam perdidit, reperit, est dei sapientia, que lucernam accendit, quando deitatem carni copulavit. In homine Christo testa carnis est accensa lumine divinitatis. lila drachmam decimam quam perdidit reperit et Christus hominem, qui propius novem ordines angelorum et ita decimus est formatus, reparavit» (fol. 76).

¹⁷⁵ Cp. M. Grabmann, Eine neuentdeckte Gandulphushandschrift (Cod. anon. 242 Heiligenkreuz), в Historisches Jahrbuch der Görresgesellschaft 1910, 75—87. Профессор J. v. Walterin Breslau готовит издание афоризмов Гандульфа.

¹⁷⁶ Cp. Denifle op. cit. 623; Grabmann op. cit. 79; Baltzer, Die Sentenzen des Petrus Lombardus etc. 10. J. N. Espenberger, Die Philosophie des Petrus Lombardus 6, придерживается другого мнения.

¹⁷⁷ Вот рукописи: Cod. Amplon. 108 (4°, р. XIII) в Эрфурте, Cod. Trec. 1206 (s. XIII); Cod. a. VII 9 св. Петра в Зальцбурге (не ранее s. XIV); Codd. 106 и 108 в Оксфорде, Новый колледж; Codd. 1748 в Кембридже, Университетский колледж; Codd. 276 и 279 в Кембридже, Гонвилл и Каджус колледж. Cp. J. de Ghellinck, La diffusion des oeuvres de Gandulph de Bologne au moyen âge, в Revue Benedictine, juillet 1910, 352—362.

барда. Это удивительное доказательство основывается на том, что у Гандульфа есть главы, в частности, в четвертой книге (например, в трактате *De ordinibus*), которые, несомненно, являются литературными продолжениями параллельных разделов «*Magister sententiarum*».¹⁷⁸ Однако, прежде всего, сравнение того, как оба приводят цитаты из Дамаскина, говорит в пользу приоритета Ломбарда над Гандульфом.

В обеих цитатах Дамаскина имеются некоторые отклонения от формулировок латинского перевода Бургундио из Пизы. Следовательно, один из них должен был использовать другой. Но в Ломбарде несколько дамасских цитат, включая те, в которых есть отклонения от латинского перевода, более обширны, чем в Гандульфе. Поэтому немыслимо, чтобы образцом для лангобарда был Гандульф, потому что иначе плюс в этих дамасских цитатах не был бы легко объясним. Ибо невозможно, чтобы мастер «Сентенций» сначала просмотрел дамасские тексты из Гандульфа с их отклонениями от перевода, а затем текст Бургундия Пизанского, чтобы добавить несколько элементов предложения к цитатам, выписанным из Гандульфа. Тогда можно с уверенностью сказать, что Гандульф, как более поздний, использовал лангобардов в качестве образца¹⁷⁹.

Что касается метода составления афоризмов Гандульфа, то в целом они имеют ту же научную физиономию, что и книга афоризмов Петра Ломбарда.

Систематическое расположение руководствуется одними и теми же ориентирами с обеих сторон. Одно отличие в систематике заключается в том, что в «Гандульфе» объяснение Декалога помещено во вторую, а не в третью книгу, как в «Петре Ломбарде». Кроме того, между двумя работами существуют многочисленные различия в деталях организации материала. Что касается внешней техники, способа изложения, то Гандульф, несомненно, делает больший акцент на диалектике, чем «*Magister sententiarum*», особенно в учении о Троице и христологии. Примечательно, что Гандульф стремится прояснить реальность, бытие различных объектов, с которыми он имеет дело. Он возвращается к вопросу *An... sit aliquid* повторяется часто¹⁸⁰.

§6 ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ТЕХНИКА КОММЕНТАРИЕВ К СЕНТЕНЦИЯМ ПЕТРА ЛОМБАРДСКОГО

Несравненно большое влияние «Сентенций» Петра Ломбардского на последующее средневековое богословие вплоть до начала нового времени наиболее ярко проявилось в огромном количестве комментариев к «Сентенциям». После Священного Писания нет, пожалуй, ни одного произведения христианской литературы, к которому было бы привлечено такое большое количество комментаторов, как к «Сентенциям» Ломбарда. Только «Декрет» Грациана и «Декреталии» Григория IX могли в какой-то степени соперничать с «Сентенциями» Ломбарда. Богословская «Сумма» Аквинского не достигла такого количества комментаторов, и объяснение этого важнейшего достижения схоластики было начато лишь столетия спустя. Были предприняты попытки определить количество комментариев к «Сентенциям». А. Поссевин, не стремясь быть исчерпывающим, перечисляет 246 комментаторов, Питс насчитывает 160 только английских богословов в качестве комментаторов «Сентенций», Эчард знает

¹⁷⁸ J. de Ghellinck, Les «Sententiae» de Gandulph de Bologne ne sont elles qu'un resume de celles de Pierre Lombard? in the *Revue neVscolastique*, nov. 1909.

¹⁷⁹ Ders, Les citations de Jean Damascene chez Gandulph de Bologne et Pierre Lombard, в *Bulletin de litterature ecclesiastique* 1910, 278—285.

¹⁸⁰ *An potentia peccandi'sit aliquid?* (Cod. 242 Heiligenkreuz, fol. 12.) *An tenebre sint aliquid?* (fol. 21v.) *An non occidere sit aliquid?* (fol. 25v.) *An non diligere deum sit aliquid?* (fol. 25v.) *An Christum assumere carnem aliquid sit?* (fol. 31r.) *An Deus pater secundum quod Christum fecit esse hominem fecerit aliquid?* (fol. 32r.) Вопрос свидетельствует о подобной тенденции: *An plus sit pulchritudo quam pulcher et castitas quam castus?* (fol. 3.)

152 комментатора «Сентенций» из доминиканского ордена¹⁸¹. Однако если учесть историю теологического факультета в Париже и, в частности, схоластические рукописные собрания разных стран, особенно Германии¹⁸², то число этих комментаторов сентенций оказывается поразительно большим.

«Magister sententiarum» заслуживает почетного места в истории схоластического метода уже потому, что он стал причиной и предметом, возможно, самого обширного схоластического литературного жанра (по распространенности с ним могут соперничать только *Quaestiones quodlibetales*), а именно комментарий к предложениям.

Поэтому будет уместно и целесообразно, если мы сейчас кратко обрисует происхождение и основное развитие этого комментария к предложениям, а также его метод и технику. Сходство и связность материала требуют и оправдывают то, что мы выходим за временные рамки данного тома и освещаем метод комментирования предложений в высокой схоластике в целом.

Protois¹⁸³ ссылается на «Summa aurea» Вильгельма Осеррского († 1231) как на первое известное объяснение предложений. Но это неверно. Ведь, как будет показано в третьем томе, «Summa aurea» Вильгельма Осеррского – это не комментарий к Сентенциям, а самостоятельная богословская сумма, даже если ее структура и доктрина часто зависят от лангобардов. Более того, комментаторы «Сентенций» существовали и до Вильгельма Осеррского. Литература комментариев к Сентенциям появилась уже во второй половине XII века. Уже Петрус Коместор († 1176) занимался «Сентенциями».

В библиотеке Реальной академии истории в Мадриде хранится под грифом F 208: «*materia super librum Sententiarum, quam fecit magister Petrus manducator.*» 2 Глосса парижского канцлера Петра из Пуатье († 1205) на «Сентенции» лангобардов, дошедшая до нас в нескольких рукописях, также датируется XII веком. В нашем исследовании, посвященном этому парижскому канцлеру, самому верному и влиятельному ученику «Magister sententiarum», мы рассмотрим эту глоссу в соответствии с ее методом. Эта глосса во многом повлияла на комментарии к *sententiae* XIII века, например, на комментарий Гуго Сен-Шера¹⁸⁴. Cod. lat. VII C. 14 из Национальной библиотеки в Неаполе содержит ряд более древних комментариев к предложениям. На первом месте стоит глосса Петра из Пуатье, за ней следуют два фрагмента таких комментариев. На четвертом месте – анонимный комментарий к предложению с инициалом: «*Premisit moyses exploratores in terram promissionis, terram lacte et melle fluentem.*»

Мюнхенская рукопись Clm 9652 (стр. XII – XIII) содержит, начиная с листа 87 и далее, фрагмент декларации предложений с начальными словами: «*Sicut desidiosi et pigri nimium lectoris est obscura et magnis sententiis grvida nolle exponere.*»¹⁸⁵ Мы также находим декларацию предложений с подобной инициацией в двух бамбергских рукописях: 126 Q. VI 43 и 127 Q. Еще две рукописи этого произведения можно найти в Codd. 769 (p. XII) и 778 (p. XIII) библиотеки аббатства Санкт-Галлен. В рукописи a. V 35 библиотеки аббатства Святого Петра в Зальцбурге,

¹⁸¹ Cp. Protois, Pierre Lombard 161; Morgott in Wetzler u. Weites Kirchenlexikon IX 2 1921 г. Protois дает в 0. 161—180 краткий обзор наиболее важных комментариев к сентенциям.

¹⁸² Ватиканская библиотека содержит, например, в Codd. lat. 1077—1112 непрерывный ряд интересных комментариев к «Сентенциям», некоторые из которых остались ненапечатанными. Медико-лаурентийская библиотека во Флоренции содержит Plut. XXXIII – XXXV содержит значительное количество ненапечатанных, крайне редких объяснений сентенций францисканской школы (Вильгельм де Вар, Вильгельм де ла Маре, Петрус де Трабибус, Иоаннес де Эрфордия, Ричардус де Гиберна, Иоаннес де Падингя, Петрус Иоганнис Оливи, Иоаннес Пекхем, Петрус Филарги Кандийский и др.)

¹⁸³ A. a. 0. 161. 2 Denifle, Chartularium Univ. Paris. I, n. 108, p. 158.

¹⁸⁴ Гуго де Сен-Шер, О.П. (латинское: Гуго де Санкто Чаро; ок. 1200 – 19 марта 1263) был французским монахом-доминиканцем, ставшим кардиналом и известным библейским комментатором.

¹⁸⁵ Начало введения гласит: «*Sicut desidiosi et pigri nimium lectoris est obscura et magnis sententiis grvida nolle exponere, ita quoque non studiosi, sed superstitiosi est ea, que plane dieta sunt, longis nimium et peregrinis expositionibus onerare. Quapropter ad eum librum accedentibus qui ceterorum expositor est, pauca prelibare sufficiat videlicet que sit materia, que intentio, quis modus tractandi.*» Эти точки зрения мы встречаем и во введениях к комментариям к афоризмам XIII века.

также относящейся к XII веку, назван автор этого произведения: «Incipiunt sententie vdonis». Эта глосса, несомненно, относится к XII веку, поскольку она также встречается в ватиканской рукописи XII века, Cod. Palat. lat. 328, fol. 1—69. Таким образом, мы располагаем несколькими рукописными пояснениями лангобардов, относящимися уже к XII веку.

Более древние комментарии к предложениям в основном носят характер глосс, изложения буквального смысла предложений.

В XII веке Священное Писание или Исагога Порфирия, богословские труды Боэция и т. д. объяснялись слово за словом, предложение за предложением.

Слово за словом, предложение за предложением было организовано и это *expositio textus* Книги сентенций. Этот перефразирующий глосс все еще характерен для старых комментариев к «Сентенциям» XIII века. Однако вскоре здесь появляются собственные ингредиенты комментаторов: сомнения, вопросы и их решения.

Cod. Vat. lat. 691 предлагает нам текст Сентенций с подробными маргинальными и межстрочными глоссами, со схемами, *dubia*, *quaestiones* и т. д.

Комментарий к «Сентенциям» доминиканского кардинала Гуго из Сент-Шер¹⁸⁶ († 1263), начинающийся словами «*Iuxta sanctorum traditionem quedam, que una sunt, tria esse dieuntur*», позволяет вывести на первый план работу самого комментатора, поскольку установление и разрешение возражений занимает довольно много места.

Также включены таблицы, поясняющие ход мыслей в афоризмах. Глосса, *expositio textus*, еще не отделена от собственного анализа автора. Комментарий Гуго Сен-Шерского, к которому нам также придется обратиться в другом контексте в третьем томе, находится в Cod. Vat. lat. 1098, fol. 208, имеет обозначение «*Lectura Parisiensis super librum sententiarum*». Это указывает на привилегированное положение, которое занимали «Сентенции» Ломбарда в учебной программе Парижского университета¹⁸⁷. Книга Сентенций стала вторым авторитетным справочником и основной книгой для преподавания теологии. Первым фундаментальным пособием по теологии в Парижском университете было Священное Писание¹⁸⁸. С объяснения отдельных книг Священного Писания под руководством мастера богослов вступал в академическую карьеру как *baccalaureus biblicus* и продолжал ее как *baccalaureus sententiarum*, объясняя Сентенции Петра Ломбардского. Комментируя «Сентенции», лектор, ставший *baccalaureus formatus* после объяснения первых двух книг, готовился к получению степени доктора богословия или *licentia*, чтобы самостоятельно преподавать в качестве профессора теологии. Задачей преподавателя, получившего степень магистра богословия, снова становилось объяснение Священного Писания, которое, таким образом, становилось началом и краеугольным камнем академической карьеры¹⁸⁹. Включение объяснения Сентенций в учебный план парижского богословского факультета, ставшее образцом для всех остальных университетов, обеспечило Петру Ломбарду авторитетное положение в средневековой богословии и одновременно привело к плодотворной литературной продуктивности комментариев к Сентенциям. Учебные правила религиозных орденов, например, доминиканцев, также отводили важное место чтению Сентенций.¹⁹⁰

¹⁸⁶ Манускрипты: Cod. Vat. lat. 1098; Cod. F 109 из королевской библиотеки в Эрфурте; Codd. 130 и 131 из библиотеки Ассизи; Cod. B. II 20 из библиотеки в Базеле; Cod. 573 из университетской библиотеки в Лейпциге и Cod. 11422/23 из Королевской библиотеки в Брюсселе.

¹⁸⁷ Cp. Ch. Thurot, *De l'organisation de l'enseignement dans l'université de Paris au moyen âge*, Paris et Besançon 1850, 133—158; Denifle, *Chartularium etc.* I, n. 200, p. 226.

¹⁸⁸ Cp. Denifle, *Quel livre servait de base à l'enseignement des maîtres en théologie dans l'université de Paris?* B *Revue Thomiste* II (1894) 149—162.

¹⁸⁹ «La Bible était, au moyen âge, à l'Université de Paris le commencement et la fin des études théologiques» (Denifle op. cit.).

¹⁹⁰ B. Reichert, *Monumenta Ord. FF. Praed. historica* III 129 197.

Поэтому было бесполезно начинать, когда Роджер Бэкон в своем «Opus minus» в слишком мрачных тонах описал преобладание объяснения предложений в ущерб изучению Священного Писания и выступил против литературного наводнения объяснениями предложений¹⁹¹.

Комментарии к предложениям во второй половине XIII века отказались от простой формы глоссы и перешли к более свободной и разнообразной форме. Глосса была отделена от собственной исследовательской работы комментатора и помещалась в начале или в конце обсуждения отдельного различия под заголовком *divisio* и *expositio textus*. *Tractatio quaestionum*, методичное обсуждение вопросов, поднятых самим комментатором в более или менее свободной связи с *Petrus Lombardus*, теперь занимает, безусловно, большую часть комментариев к Сентенциям. Собственная работа комментатора представлена в виде *quaestiones*, *articuli*, *quaestiunculae* и т. д., организованных в соответствии с развитым схоластическим методом преподавания и изложения. Сентенции Петра Ломбардского стали основой для самостоятельных богословских изложений схоластов. Эти комментарии к Сентенциям носят самые разные технические названия: *Lectura*, *Quaestiones*, *Commentarius*, *Scriptum*, *Summa*, *Notabilia*, *Expositio etc. super libros quattuor sententiarum*, и подробно демонстрируют различные нюансы одной и той же общей техники. Особое внимание обычно уделяется разработке пролога или *proemium* к комментарию на Сентенции. Здесь отрывок из Писания ставится во главу угла в качестве девиза и используется в остроумной, часто живой манере для описания содержания и смысла четырех книг Сентенций. Например, Петр Тарантасский, отталкиваясь от Пр. 30, 18 19: «Трех вещей я не могу понять, а четвертой не понимаю вовсе: путь орла в небе, путь змеи на скале, путь корабля посреди моря и путь человека в юности», содержательно развил идеи «*Libri quattuor sententiarum*» в своем прологе.¹⁹²

Тот факт, что богословы с умозрительным талантом Матфея Акваспарта и Роберта Килвардби взяли за механическую задачу составления конкорданса Сентенций, табличного обзора содержания Сентенций, для пользы своих студентов, свидетельствует об их высокой оценке Сентенций Ломбарда.

Некоторые богословы ставили перед собой задачу пересмотреть или составить более ранние комментарии к «Сентенциям». Так, *Codd. Vat. lat. 4283* и *4286* содержат такие переработки объяснения Сент-Фомаса Аквинского к Сентенциям, а *Cod. lat. VII C 52* из Национальной библиотеки в Неаполе содержит «*Abbreviatio Iacobi Viterbiensis expositionum Egidii Romani in I Sent.*».

Некоторые комментарии к предложениям представляют собой компиляции более ранних объяснений предложений. Например, в *Cod. lat. 14570* Парижской национальной библиотеки есть «*Lectura super I Sent. compilata ex diversis doctoribus*» Томаса де Баллиако. Августинец Проспер де Регио написал текст, найденный в *Cod. Vat. lat. 1086*, содержащий компиляцию различных мнений более 50 парижских профессоров о части первой книги Сентенций. Сентенции действительно представляют собой игровую площадку для самых разных схоластических вопросов и мнений. В более поздней схоластике Дионисий Картузианский написал ценный комментарий к Сентенциям в форме катены, в которой он приводит формулировки мнений великих схоластов по каждому вопросу.

¹⁹¹ Cp. Fr Hilarin Felder, *Geschichte der wissenschaftlichen Studien im Franziskanerorden* 532 ff; Fr Theoph. W i t z e l, *De Fr. Rogero Bacone eiusque sententia de rebus biblicis*, in *Archivum Franciscanum* III (1910) 18; Denifle, *Chartularium etc.* I, n. 419, p. 473.

¹⁹² Другие примеры таких девизов-афоризмов приведены ниже: Ричард Фишакр: «*O altitudo divitiarum sapientie et scientie dei*» (Рим 11, 83; *Cod. Bibl. nat. Paris, lat. 15 754*); Бонавентура: «*Profunda fluviorum scrutatus est et abscondita produxit in lucem*» (Job 28, 11); Фома Аквинский: «*Ego sapientia effudi flumina; ego quasi trames aquae immensae de iluvio; ego quasi fluvius Diorix, et sicut aqueductus exivi de paradiso. Dixi: Rigabo hortum plantationum et inebriabo partus mei fructum*» (Eccli 24, 40); R i c h a r d of Mediavilla: «*Abscondita produxit in lucem*» (Job 28, 11); Durandus: «*Est deus in coelo revelans mysterium*» (Dn 2, 28); Petrus Aureolus: «*Expandit librum coram me, qui scriptus erat intus et foris*» (Ez 2, 9); Thomas of Strabburg: «*Dedit abyssus vocem suam*» (Hab 3, 10).

Таким образом, «Сентенции» Петра Ломбардского дали толчок многообразному развитию схоластической техники изложения. На протяжении столетий комментарии к «Сентенциям» выделялись как значительное литературное явление на фоне высокой и поздней схоластики. Только в первые десятилетия XVI века богословская «Сумма» святого Фомы стала предметом крупных комментариев в Германии благодаря усилиям доминиканцев Конрада Келлина в Кельне, Каспара Грюнвальда во Фрайбурге, Корнелиуса фон Снека и Иоганнеса Хоппе в Росток¹⁹³, в Италии – благодаря кардиналу Каетану, и прежде всего в Испании – благодаря Франциску Витторийскому и его школе¹⁹⁴. Фома стал предметом крупных комментариев и постепенно вводился в качестве учебника богословия, объяснения Сентенций Петра Ломбардского начали терять свое ведущее положение в школах и богословской литературе. Однако и после этого комментарии к Сентенциям не прекратились полностью.

Последний важный комментарий к «Сентенциям» был написан замечательным бельгийским богословом Вильгельмом Эстиусом († 1613).

§7 ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ТЕЧЕНИЯ ПРОТИВ «MAGISTER SENTENTIARUM» И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Чтобы оценить всю степень влияния афоризмов Петра Ломбарда на развитие схоластики и схоластического метода, необходимо рассмотреть и противников «*Magister sententiarum*». Ведь именно в преодолении встречных течений проявляется сила и мощь интеллектуального течения, в победоносном подавлении реакции – успех действия. Афоризмы Ломбарда прочно вошли в последующую схоластику именно потому, что они преодолевали противоположные тенденции и явления.

Мы уже знакомы с чрезмерными нападками Вальтера Сен-Викторского на Ломбардцев из общей части этого тома¹⁹⁵. Неоправданно резкий тон этой полемики не мог повредить распространению и репутации *Sentenzenbuch* в долгосрочной перспективе.

Более спокойным противником нашего схоласта является Иоанн Корнуоллский¹⁹⁶ (*Ioannes Cornubiensis*)¹⁹⁷, который боролся не столько с его методом, сколько с отдельными христологическими доктринами.

Из-под пера Иоанна Корнуоллского вышло два христологических сочинения: «*Eulogium ad Alexandrum III Papam, quod Christus sit aliquis homo*»¹⁹⁸ и самодельный отрывок из него под названием «*Apologia de Verbo incarnato*».¹⁹⁹ Нас интересует «*Eulogium*», который содержит ряд заметок, достойных истории теологии, и в целом демонстрирует значительное влияние диалектики на теологию и методы работы теологов. Предметом этой полемики, написанной между 1176 и 1181 годами, является научное опровержение положения, уже осужденного Турским синодом в 1163 году, а также Александром III в письме к архиепископу Вильгельму Реймскому 18 февраля 1177 года: «*Christus non est aliquid secundum quod homo*».²⁰⁰ Эта тема

¹⁹³ Ср. Paulus, *Die deutschen Dominikaner im Kampfe gegen Luther*, Freiburg i. Br. 1903, 115; Fr Ehrle in *Stimmen aus Maria-Laach* 1880 (XVII), 389 A. 3.

¹⁹⁴ Fr Ehrle в *Katholik* 1884, II 495 ff 632 ff; 1885, II 85 ff 161 ff 405 ff 503 ff.

¹⁹⁵ S. 125 f.

¹⁹⁶ Иоанн Корнуоллский, в Латинский Йоханнес Корнубиенсис или Иоганнес де Санкто Германо был христианином ученым и учителем, который жил в Париже около 1176.

¹⁹⁷ Об этом см. Bach, *Dogmengeschichte des Mittelalters* II 180 ff; Wetzera. *Weites Kirchenlexikon* VI2 1641; Hurter, *Nomenclator* II 8 95; B. Geyer, *Sententiae divinitatis* 59.

¹⁹⁸ М., Р. L. CXCIX 1043—1086. Рукопись Евлогиума XII в. хранится в Cod. 265 библиотеки парижского Арсенала (начиная с листа 95 и далее).

¹⁹⁹ М., Р. L. CLXXVII 295—316.

²⁰⁰ Ср. Denzinger-Bannwart, *Enchiridion* 10 393; Du Plessis d'Argentre, *Collectio iudiciorum de novis erroribus etc.* I 112 ff.

активно обсуждалась в богословской литературе того времени²⁰¹. Иоанн Корнуольский защищает тезис «*Christus est aliquis homo, est aliquid secundum humanitatem*» против нигилианства диалектиков, то есть против позиции, согласно которой Христос стал ничем в Воплощении.²⁰² Сначала он представляет противоположную доктрину в трех оттенках и комментирует авторитеты, на которые ссылаются оппоненты. Это Жильбер де ла Порри, но Иоанн Корнуольский признается, что не читал ни одного из его трудов, затем Петр Абеляр, из чьей «Теологии» представлен более длинный текст, проанализированный и раскритикованный, и, наконец, Петр Ломбардский. По поводу последнего Иоанн Корнуольский, который был его учеником, замечает следующее: «Вполне разумно предположить, что Ломбард воспринял утверждение Абеляра как мнение, поскольку он часто и усердно изучал соответствующие труды последнего. Возможно, что Ломбард не изучил подробно свой оригинал и таким образом позволил себя обмануть, поскольку он овладел диалектикой скорее благодаря практической деятельности, чем схоластическому знакомству с техникой ведения диспутов.

В любом случае, однако, лангобардский абэллард представлял соответствующую доктрину лишь как мнение, но не как твердое утверждение, как доктрину. Иоанн Корнуольский ссылается на то, что Петр Ломбардский незадолго до того, как стал епископом Парижским, заверил его и всех остальных слушателей, что доктрина Абэлларда была представлена им лишь как мнение, но не как аподиктическая доктрина²⁰³.

Теперь Иоанн Корнуольский противопоставляет противоположным авторитетам ряд богословов в качестве представителей своего собственного тезиса. Эти схоластические знаменитости – Ансельм Кентерберийский, Бернард Клервоский, Ахард, Роберт Мелунский и Маврикий Сюлийский, преемник лангобарда на епископском престоле Парижа. В отношении двух последних он отмечает, что, хотя он не читал их соответствующих трудов, он посещал их лекции и диспуты, и их комментарии к ложным христологическим и другим позициям Петра Ломбардского побудили его изменить свои собственные прежние взгляды²⁰⁴.

Для Иоанна Корнуольского эта конфронтация с богословскими авторитетами – лишь прелюдия к самостоятельному и глубокому рассмотрению проблемы.

Теперь он приступает к обоснованию своего тезиса «*firmissimis sanctorum testimoniis et rationibus fidei consentaneis*».²⁰⁵ Среди аукторитов, согласно текстам Писания, первое место занимает Августин. В ходе трактата также упоминаются Иларий Пуатье, Иоанн Дамаскин и богословские труды Боэция. В обращении с *ratio* – другой движущей силой схоластического подхода – Иоанн Корнуольский проявляет себя проницательным диалектиком, умеющим нанизывать довод за доводом, разрешать возражения и трудности, сводить противоположное мнение к абсурду, раскрывая его сомнительные последствия, и освещать собственную доктрину со всех сторон²⁰⁶.

²⁰¹ Ср. cod. lat. 14 589 Национальной библиотеки в Париже (конец стр. XII), который содержит с листа 191 по 199 «*Obiectiones contra eos, qui dicunt, quod Christus non est aliquid secundum quod homo est*». Cod. 48 Q. VI 31 (стр. XII – XIII) из Бамбергской библиотеки содержит «*Epistula cuiusdam magistri Parisiensis de natura humana Christi*» на листах 23–25.

²⁰² Подробный анализ и оценка содержания *Eulogium* даны Бахом а. а. 0. II 180–190.

²⁰³ «*Quod vero a magistro Petro Abaelardo hanc opinionem suam magister Petrus Lombardus accepit, eo magis suspicatus sum, quia librum illum frequenter prae manibus habebat, et forte minus diligenter singula perscrutans, ut qui ex usu magis quam ex arte disputandi peritiam haberet, falli poterat. Opinionem autem dixi. Quod enim fuerit haec eius opinio, certum est. Quod vero non fuerit eius assertio haec, ipse testatur in capitulo suo... Praeterea, paulo antequam electus esset in episcopum Parisiensem, mihi et omnibus auditoribus suis, qui tunc aderant, protestatus est, quod haec non esset assertio sua, sed opinio sola, quam a magistro acceperat. Haec enim verba subiecit: «Nec umquam Deo volente, erit assertio mea, nisi quae fuerit catholica» (с. 3 [M., P. L. CXCIX 1052 f]).*

²⁰⁴ «*Duos etiam venerabiles magistros, quos in theologia nihil haereticum docuisse certissimum est, Robertum videlicet Melidensem et Mauricum hodie Parisiensem episcopum silentio praeterire non debeo. Eorum itaque super his disputationibus vel quaestionibus scripta non legi; sed multis eorum lectionibus vel disputationibus interfui, in quibus et de homine assumpto et de aliis quibusdam magistri Petri Lombardi doctrinam falsitatis arguebant, ne dicam erroris*» (с. 4 [ibid. 1055]).

²⁰⁵ С. 4 (ibid. 1056).

²⁰⁶ Ср. с. 6–8.

Техника силлогизма ему хорошо знакома и служит ему отличным подспорьем в борьбе с противоположными возражениями²⁰⁷.

В одной из глав он также показывает, что знаком с Аристотелем и его переводчиками и толкователями, такими как Порфирий и Боэций²⁰⁸. О его методичности свидетельствует и тот факт, что Иоанн Корнуольский неоднократно пытается прояснить контекст и последовательность несколько сложных умозаключений с помощью «*Epilogatio praecedentium*», а также развивая ранее высказанные мысли и утверждения.

Он несколько раз умело применяет метод «*sic-et-non*», представляя и обосновывая решение «*auctoritates, quae videntur esse contrariae*»²⁰⁹. Разбирая и примиряя эти явно противоречащие друг другу изречения Отцов, он также занимается проницательными и неясными терминологическими изысканиями. Однако он не хочет смешивать и размывать философское и богословское использование языка. Он ярко выражает это в одном отрывке.

Как только речь заходит о Христе, замечает он, или о личности в Троице, или о божественной сущности в целом, как только обсуждается содержание веры, желательно держаться подальше от выражений, характерных для логиков. Если же действительно нельзя избежать такой манеры говорить, то следует воздерживаться от нее, как только кажется, что она заходит слишком далеко.

Ведь, как правило, слова, которые являются одеждой чисто естественного рассуждения, не соответствуют величию сверхъестественной истины. Кроме того, большинство профессоров логики – это занудные слогатели и ловцы силлогизмов²¹⁰.

Из сказанного должно быть ясно, что «Евлогий» Иоанна Корнубийского направлен не против метода, не против научного направления его учителя Петра Ломбарда, а скорее против одного из его доктринальных положений. Сама «Эвлогия» – очень интересное, характерное достижение схоластического метода преподавания и изложения в начале последней четверти XII века. Диалектика даже в большей степени проявляется в ученике, чем в мастере.

Полемика Иоанна Корнуольского по своей общей тенденции и формулировке не могла и не могла подавить влияние ломбардских «Сентенций» как общего богословского достижения.

В последней четверти XII века на сцене появляются еще два оппонента лангобардов, которые, по-видимому, находились в более тесном контакте друг с другом: неизвестный автор «*Liber de vera philosophia*» и мистик и аббат Иоахим из Фьоре. Вскоре мы столкнемся с «*Liber de vera philosophia*» в трактате о школе Жильбера де ла Порри. В разделе «*Que videntur suspiciosa esse in scriptis modernorum*» неизвестный автор, церковный настоятель, возможно, аббат, привлекает на свой форум самых значительных богословов XII века. Петрус Ломбард, охарактеризованный как «*magne dignitatis homo*», – последний из этих современных людей, призванный к строгой ответственности. Из «Сентенций» выделено тридцать восемь предложений. Наибольшее количество критикуемых доктринальных положений взято из учения о Троице, то есть из первой книги «Сентенций». На последнем месте стоит предложение из третьей книги: «*Christus secundum quod homo non est aliquid*»²¹¹.

²⁰⁷ С. 9.

²⁰⁸ С. 12.

²⁰⁹ Ср. с. 16—18.

²¹⁰ «Habeant ergo philosophorum documenta locum suum in his, quae secundum naturam se habent, non in his, quae contra naturam mirabiliter fiunt et facta sunt... Sed istud potius existimo et dico quoties de Christo vel de qualibet persona in trinitate, sive de ipsa divina essentia, quoties etiam de sacramentis et de articulis fidei disputatur his quae logicorum propria omnia sunt supersedendum aut si aliquando, ne penitus absint, admittuntur, sicut perstreperere velint, statim elinrentur, tum quia regulariter maiestatis verba non competunt, quae naturale indumentum rationis non transcendunt, tum etiam quia plerique logicae professores molesti sunt interpretes verborum et aucupes syllogismorum» (с. 9 [М., Р. L. CXCIX 1065]).

²¹¹ P. Fournier, *Etudes sur J. de Flore et ses doctrines*, Paris 1909, 71—74.

Аббат Иоахим из Фьоре (ок. 1202 г.), на родство которого с автором «*Liber de vera philosophia*» указывал П. Фурнье²¹², резко выступил против Петра Ломбарда в утраченном трактате «*De unitate trinitatis*»²¹³ и назвал его еретиком за то, что тот произнес фразу: «*Quoniam quaedam summa res est Pater et Filius et Spiritus sanctus et lila non est generans neque genita neque procedens*». Иоахим видел в этом высказывании опасность появления четверицы (Отец, Сын, Святой Дух, сущность) вместо Троицы. Чтобы противостоять этой опасности, он объяснил тринитарное единство скорее в терминах *veritas collectiva et similitudinaria*²¹⁴. Однако подход аббата полностью не достиг своей цели. Через тринадцать лет после его смерти Четвертый Латеранский собор (1215) рассмотрел это сочинение Иоахима из Фьоре в шапке «Дамнамус», осудил его и объявил правильным учение Петра Ломбардского. «*Nos autem, sacro approbante Concilio, credimus et confitemur cum Petro Lombardo, quod una quaedam summa res est*» etc.²¹⁵ Эта блестящая защита Петра Ломбарда на Латеранском соборе, включение его имени и его учения в доктринальный декрет общецерковного собрания были чрезвычайно ценной рекомендацией для «*Magister sententiarum*» и, несомненно, способствовали высокому авторитету и уникальному распространению труда «Сентенций» в последующий период. Позднее святой Фома посвятил аббату, руководившему самыми лучшими намерениями, следующие апологетические слова в своей декларации на капитуле «Дамнамус», которую стоит прочитать: «*Joachim autem, abbas Florentis monasterii, non bene capiens verba Magistri praedicti, utpote in subtilibus fidei dogmatibus rudis*» etc.²¹⁶ Таким образом, реакция против «Сентенций» Петра Ломбардского в конечном итоге способствовала и привела к тому, что это произведение заняло постоянное и благоприятное положение в церковной теологии. Авторитет мастера «Сентенций» не пострадал от того, что в XIII веке ряд сентенций был составлен его комментаторами как противоречащий общепринятым богословским взглядам.

Список этих сентенций, который часто встречается в рукописях, а затем и в печатных изданиях, не всегда оставался неизменным. Уже у Бонавентуры таких сентенций 8, позже их число возросло до 15, а у отдельных богословов – до 22 и 26²¹⁷.

§8 ПОЧЕМУ «СЕНТЕНЦИИ» ПЕТРА ЛОМБАРДА ПРИОБРЕЛИ ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СХОЛАСТИКЕ?

Поразительно высокий авторитет «Сентенций» Ломбарда в схоластике²¹⁸, зафиксированный, в частности, в огромной литературе комментаторов, заставляет задуматься о том, почему «*Magister sententiarum*» приобрел такое значение. Этот вопрос уже неоднократно задавался и на него давались различные ответы. К. Вернер²¹⁹ отмечает следующее: «Причины, по которым труд Ломбарда стал столь высоко цениться, легко распознать. Люди в целом чувствовали потребность в том, чтобы иметь возможность ознакомиться со всем церковным богословием, как оно развивалось до того времени, в систематически организованном сборнике. Petrus

²¹² Ebd. 79—100.

²¹³ Фактическое название работы: «*De unitate trinitatis, quae sit differentia inter nomina essentialia et nomina relativa*». Ygl. Fr. Ehrle, *Historia bibl. Rom. Pontif.* I 511.

²¹⁴ Fournier a. a. 0. 32 ff.

²¹⁵ Cp. Denzinger-Bannwart, *Enchiridion* 10 n. 431—433; Hefele-Hergenröther, *Konziliengeschichte* V 878 f.

²¹⁶ In decretalem II expositio.

²¹⁷ Об артикулах, в которых *Magister sententiarum* не общается со всеми, см. Du Plessis d'Argentre, *Collectio iudiciorum* etc. II 18u. 119; Denifle, *Chartularium Univ. Paris.* I 220, n. 194.

²¹⁸ Protois, Pierre Lombard 150: «Cet ouvrage fameux eut un succes inouï, prodigieux, véritablement incomparable, et en peu de temps il conquiert dans l'estime et dans l'admiration des théologiens une place presque semblable à celle de l'Écriture Sainte.»

²¹⁹ Der hl. Thomas von Aquino I, Regensburg 1858, 312 f.

Lombardus предоставил такой сборник, по возможности объективный, полный, не перегруженный, с соответствующим рассмотрением наиболее выдающихся патристических авторитетов, на августиновской основе с исключением всех лишних отступлений. Некоторое величественное спокойствие, господствующее в работе, определенность и прямота концепции и изложения, которые не столько дают почти исследования, сколько зрелые суждения предыдущих серьезных исследований, и действительно с благоразумным выбором подчеркивают именно то, что наиболее поучительно и полезно, и в дополнение к этому та глубина чувства августиновской концепции, связанной с мистицизмом, которая ни разу не смогла произвести впечатление, – все это вместе сделало „Книги сентенций“ классической книгой в своем роде.»

Й. Симлер²²⁰ называет шесть причин, обеспечивших *Sentenzenbuch* столь высокую репутацию. Первая точка зрения – аналитический метод, поскольку «Сентенции» превзошли более ранние и современные богословские труды благодаря ясным и четким делениям и поскольку техника вопросов, решений, различий, возражений и декламаций, используемая «*Magister sententiarum*», полностью соответствовала методу диспутов, предпочитаемому в школах. Второй аспект – это сухая однородность, единообразие изложения (*L'uniformite seche et invariable*); хотя это не подходит для книги, которую хотят прочитать за один раз, это очень рекомендуемое дидактическое качество для книги, написанной в учебных целях и предназначенной для преподавания и обучения. Кроме того, книга «Сентенции» соответствует потребностям и взглядам богословия того времени благодаря цитатам из Отцов в каждом вопросе и всему тому, как трактуются авторы Отцов. В-четвертых, «Сентенции» в большей степени, чем другие произведения того времени, представляют собой полную, методически проработанную систему богословия. Пятая причина репутации лангобарда заключается в том, что он стимулировал жажду знаний и обучения читателей, ставя перед ними тонкие вопросы. Шестая и последняя причина, приведенная Симлером, заключается в том, что Ломбард умерил свой диалектический, философский подход. Будучи умозрительным мыслителем больше в вопросах, чем в ответах, он давал комментаторам простор для собственных размышлений. Шесть «внутренних качеств этого произведения», которые Протоис²²¹ перечисляет в качестве причин влияния «Книги сентенций», во многом совпадают с точкой зрения, высказанной Симлером. Эти качества «*Libri quattuor sententiarum*», которые подчеркивает Протоис, – четкая и методичная классификация материала, ясность изложения, надежность решений, сила и богатство доказательств, лаконичность текста, трезвость философского развития, что давало комментаторам большую свободу действий.

По мнению Р. Сиберга²²², тот факт, «что лангобард не обладал никакими признаками гениальности, сделал возможным те преимущества, которые его книга стала рассматриваться как Библия наряду с Библией».

По мнению берлинского историка догматики, «тот факт, что Ломбард не передал пальму первенства ни одной из существующих школ, сделал его труд полезным для всех». По мнению Вернле,²²³ «почти случайно это сочинение стало учебником позднейшего теологического университетского образования». А. Эрхард²²⁴ называет в качестве достоинств, которые квалифицируют «*Libri quattuor sententiarum*» как теологический справочник позднего Средневековья, «относительную краткость и легкую ясность целого, опущение слишком тонких отдельных вопросов, скорее воспроизводящее, чем обучающее изложение, тесную связь с церковной доктриной, наконец, мудрую сдержанность в сложных проблемах».

²²⁰ Des Sommes de theologie, Paris 1871, 93 и 94.

²²¹ A. a. O. 190.

²²² In Herzogs Real-Enzyklopädie XI 641.

²²³ Введение в богословие, Тюбинген 1908, 228.

²²⁴ Средние века и их церковное развитие, Майнц 1908, 227.

Упомянутые вышеупомянутыми авторами качества и дидактические достоинства *Sentenzenbuch*, безусловно, оказали причинное влияние на его широкое распространение, поскольку комментаторы также затрагивают те или иные из них в своих предисловиях. Однако этих качеств недостаточно, чтобы объяснить всю значимость «Сентенций» как бесчисленных комментариев к основной богословской книге всей последующей схоластики, тем более что подобные качества присущи и другим богословским сочинениям XII века. Положение лангобардов в схоластическом богословии во многом можно объяснить удачным стечением исторических обстоятельств или, если угодно, случайностей. Прежде всего, именно личность Петра из Пуатье, самого преданного ученика Ломбарда, позволяет понять мощное влияние «*Magister sententiarum*». Как мы увидим, этот парижский канцлер оказал весьма значительное влияние на парижских богословов конца XII – начала XIII века и тем самым также вел пропаганду своего учителя и его афоризмов. Вторым благоприятным обстоятельством для лангобардов стало осуждение Иоахима Фьорского на Латерануме и утверждение доктрины Троицы «*Magister sententiarum*» в *caput* «*Damnamus*» этого общего синода:

«*Nos autem, sacro approbante Concilio, credimus et confitemur cum Petro Lombardo, quod una quaedam summa res est, incomprehensibilis quidem et ineffabilis, quae veraciter est Pater et Filius et Spiritus Sanctus.*»²²⁵ Именно личность Петра из Пуатье, вокруг которого на рубеже веков собрались парижские суммисты, и включение имени Петра Ломбардского в доктринальный декрет Латеранского собора²²⁶ способствовали тому, что имя «*Magister sententiarum*» не кануло в лету, как имена других сентименталистов XII века, а продолжало мощно звучать в XIII веке.

²²⁵ Denzinger Bannwart, *Enchiridion* 10 n. 432.

²²⁶ Ж. де Геллинк (*Les oeuvres de Jean de Damas en occident etc.*, in the *Revue des questions historiques* LXXXVIII 157) справедливо замечает: «*Le concile de Latran de 1215 qui couronne le succes du Magister.*»

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ШАРТРСКАЯ ШКОЛА. ЖИЛЬБЕР ДЕ ЛА ПОРРИ, ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ И АЛАНУС ДЕ ИНСУЛИС

Шартрская школа²²⁷, представленная в XII веке Бернардом и Тьерри Шартрскими, Бернардом Сильвестрисом, Вильгельмом Коншским и Аделардом Батским, отличается от других школ, особенно парижских, весьма своеобразной окраской. Это смесь гуманистических, натурфилософских и, если хотите, натурпоэтических красок; это преимущественно платоновская окраска, которая придает произведениям вышеупомянутых магистров индивидуальность и привлекательность. Эти люди не оказали столь прямого влияния на развитие схоластического метода, по крайней мере, в своей литературной деятельности. В их трудах использование разума и философии для исследования, обоснования и систематизации доктрины веры отходит на второй план как центральная методологическая идея. Формальное влияние аристотелевского «Органона» также не особенно заметно у этих авторов, хотя в «Гептатеухоне» Тьерри Шартрского мы видим одно из первых свидетельств зарождения «Logica nova».

Даже если влияние этих мыслителей на развитие схоластического метода не было прямым, они, тем не менее, были косвенно ответственны за развитие схоластики.

Их увлечение Платоном, безусловно, способствовало сохранению в XIII веке платонистских и неоплатонистских тенденций и течений наряду с августинизмом и аристотелизмом. Кроме того, их натурфилософский подход, несомненно, способствовал созданию благоприятной атмосферы для аристотелевско-арабской научной литературы в христианской схоластике.

Три других ученых, также принадлежавших к Шартрской школе, имеют непосредственное отношение к истории схоластического метода в XII веке: Жильбер де ла Порри, Иоанн Солсберийский и Аланус де Инсулис.

§1 ЖИЛЬБЕР ДЕ ЛА ПОРРИ

Жильбер де ла Порри²²⁸ (род. ок. 1076 г., канцлер Шартра, 1141 г. профессор в Париже, 1142 г. епископ Пуатье, в качестве которого он умер в 1154 г.) – один из самых уважаемых и влиятельных теологов XII века. Он один из немногих мыслителей ранней схоластики, доживших до эпохи высокой схоластики и нашедших комментаторов своих трудов.

Сфера влияния этого схоласта все больше расширяется перед глазами тех, кто стремится исследовать ненапечатанную философскую и богословскую литературу XII и начала XIII века. Личность и ученое значение Гильберта отражены во взглядах и суждениях современников,

²²⁷ Для характеристики их в XII веке см. Clerval, Les Ecoles de Chartres, Chartres 1895, 144—320; Überweg Heinz e, Grundriß der Geschichte der Philosophie IP211 ff; De Wulf, Histoire de la philosophie medie «vale2 191 ff.

²²⁸ Об этом произведении: B. Haureau, Histoire de la philosophie scolastique 1417; Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, Leipzig 1861, 225 ff; Überw e g Heinze, Grundriß der Geschichte der Philosophie II9 218—219; De Wulf, Histoire de la philosophie medievale2 204—207; J. A. Endres, Geschichte der mittelalterlichen Philosophie im christlichen Abendlande 58 f; Poole, Illustrations of the history of medieval thought (1884) 132—135 179—200; Hergenröther Kirsch, Kirchengeschichte II4 502—504; Berthaud, Gilbert de la Porre'e et sa philosophie, Poitiers 1892; Clerval, Les Ecoles de Chartres, Chartres 1895, 163—169 185 ff 210 f; Sandys, A history of classical scholarship I, Cambridge 1903, 512 640 f; J. Schmidlin, Otto von Freising als Theologe, im Katholik 1905 II 83 ff; Ders, Die Philosophie des Otto von Freising, in Philos. Jahrbuch 1905, 312 ff. О доктринах Гильберта, особенно о доктрине Троицы, см. J. Bach, Die Dogmengeschichte des Mittelalters II 133—168, и Th. de Regnon, Etudes de theologie positive sur la trinite II, Paris 1892, 87—108. О его учении об отношении между верой и знанием, см. Tb. Heitz, Essai historique sur les rapports entre la philosophie et la foi de Berenger de Tours à St Thomas d'Aquin, Paris 1909, 36—41. Его учение об универсалиях рассматривает Dehove, Qui praecipui fuerint labente XII saeculo ante introductam Arabum philosophiam temperati realismi antecessores, Paris. 1909, 90—104.

способных судить о нем, совсем иначе, чем мы часто встречаем в более поздней историографии схоластики.

Для того чтобы составить правильное представление о значении Гильберта для развития схоластического метода, необходимо сначала обрисовать научную индивидуальность этого теолога, затем описать его научный метод и, наконец, осветить влияние его методологических принципов и методов работы на целый ряд выдающихся учеников.

а) Научная индивидуальность Жильбера.

Чтобы описать научную индивидуальность Жильбера де ла Порри, лучше всего собрать впечатления, которые его личность произвела на научный мир того времени. Одни только рукописи его трудов свидетельствуют о том, что он пользовался большим уважением у своих схоластических современников и потомков. Cod. (0) II 24 из публичной библиотеки в Базеле содержит объяснения Гильберта к «Opuscula sacra» Боэция, написанные красивым минускульным шрифтом XII века²²⁹.

Кодекс украшают великолепные инициалы. Однако самым прекрасным украшением манускрипта являются красочные миниатюры, на двух из которых изображен сам Гильберт. На первой из этих миниатюр Гилберт изображен епископом, восседающим на троне в понтификальном облачении. Его почтенная голова с белой бородой украшена Инфулом и обрамлена золотым нимбом. Перед ним стоят два ученика с длинными волосами. Один из них держит пюпитр, на котором лежит книга, в которой престарелый ученый епископ только что написал первое слово «Libros» своего комментария к «De trinitate» Боэция. В правом верхнем углу изображен голубь – символ Святого Духа, вдохновляющий глубокомысленного богослова.

Вся картина свидетельствует о том, с каким почтением относились к аскетической и богословской индивидуальности Гилберта. В том же манускрипте наш схоластик вновь становится объектом миниатюры, также окруженной ореолом. То, что рука миниатюриста здесь благочестиво поместила в красочную картину, также выражено в суждениях надежных современников.

Если некоторые писатели XII века – прежде всего Гауфред, секретарь святого Бернарда, – высказываются о Жильбере де ла Порри менее благосклонно, то эти критические голоса следует понимать, исходя из возбуждения и пылкости полемики, которую вели святой Бернард и его окружение против епископа Пуатье и которая привела к осуждению некоторых его приговоров на Реймском синоде в 1148 году.²³⁰

Под пером энергичного Гауфредуса борьба против отдельных недостоверных и косых предложений Гильберта стала также борьбой против его личности и научного направления. Менее благоприятные суждения о личности и научном значении Гильберта значительно перевешиваются и уравниваются теплыми словами восхищения, которые благоразумные и объективные современные авторы с большим авторитетом высказывают в адрес нашего схоласта. Отто фон Фрейзинг восхваляет серьезность и достоинство его образа жизни, превозносит его богатые знания, которые он приобрел за долгие годы обучения у способных учителей, у Бернарда Шартрского, у братьев Ансельма и Радольфа, и особенно подчеркивает его необычайно глубокое рассмотрение сложных богословских вопросов, которые, по общему признанию, часто принимают форму, темную и неудобную для среднего теолога.

²²⁹ Этот кодекс, не имеющий пагинации и листов, содержит «Liber sancti hylarii contra constantinum augustum» на первых двенадцати листах. На второй странице 13-го листа внизу красной краской написано: «Incipit (инициал I – синий) expositio Giselberti pictaviensis episcopi in librum anicii manlii severini boetii, viri consularis et illustris exconsularis, ordinarii patricii, quomodo trinitas unus deus et non tres dii». Рукопись завершается выдержками из Иоанна Дамаскина.

²³⁰ Ср. G'aufredi, abbatis Claraevallensis, Epistola ad Albinum cardinalem (M., P. L. CLXXXV 587—596); Eiusdem libellus contra capitula Gilleberti Porretani Pictaviensis episcopi (ibid. 595—617).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.